

В. Н. Болоцких

**Экономика
и благосостояние
населения от рождения
до гибели СССР: без
загадок**

Научно-популярное
издание

В. Н. Болоцких

**Экономика и благосостояние
населения от рождения
до гибели СССР: без загадок.
Научно-популярное издание**

«Издательские решения»

Болоцких В. Н.

Экономика и благосостояние населения от рождения до гибели СССР: без загадок. Научно-популярное издание / В. Н. Болоцких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837370-1

В советский период Россия совершила колоссальный скачок в индустриальном развитии, превратилась в мощное государство, изменилась социальная структура. Но важнейший вопрос: что такое сила государства: обладание военной мощью или высокоразвитым производством, работающего на благо человека, на саморазвитие его личности, а не на его уничтожение. Другой принципиальный вопрос: в чём причины распада СССР, каков был истинный потенциал советской экономической системы, продержавшейся менее 70 лет.

ISBN 978-5-44-837370-1

© Болоцких В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Обзор мнений о гибели СССР	6
Введение	11
Глава 1. Природно-климатический фактор и особенности истории России	12
1. 1. Природа и сельское хозяйство в период возникновения и укрепления Великорусского государства	12
1. 2. Природа России и особенности развития государства и общества	19
Глава 2. Натурализация экономики России в годы мировой и гражданской войн и политика «военного коммунизма»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Экономика и благосостояние населения от рождения до гибели СССР: без загадок Научно-популярное издание

В. Н. Болоцких

*История учит даже тех, кто у неё не учится. Она их проучивает
за невежество и пренебрежение*
В. О. Ключевский

*Не следует умножать сущности сверх необходимого
«Бритва» Оккама*

© В. Н. Болоцких, 2017

ISBN 978-5-4483-7370-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обзор мнений о гибели СССР

В 2016 году исполнилось 25 лет с момента исчезновения Союза Советских Социалистических Республик. Но создаётся сильное впечатление, что подавляющее большинство жителей современной России мало что помнит и знает о событиях четвертьвековой давности. И ещё меньше понимает, что же тогда произошло. Большинство современных российских политических деятелей, участников событий тех лет, и ещё активно участвующих в современной политической жизни, и находящихся давно на покое, сходятся в том, что Советский Союз можно было сохранить. Некоторые говорят об исторической предопределённости исчезновения СССР, некоторые – о временном факторе, сыгравшем «против».

Некоторые деятели полагают, что восстановить СССР в том виде, каким он был, уже невозможно. Некоторые выражают надежду на образование какого-то нового союза на условиях равноправия.

Первый и единственный президент СССР М. С. Горбачёв в статье в «Российской газете» заявил, что не снимает с себя долю ответственности за случившееся, хотя «отстаивал Союз до конца, действуя политическими методами». По его мнению, свою роль в распаде сыграла деструктивная позиция тогдашнего российского руководства. При этом Горбачев убежден, что даже после принятия республиками деклараций о суверенитете и независимости можно было договориться с большинством из них о создании союзного конфедеративного государства.¹

Современные коммунисты даже не заикаются о каких-либо закономерностях исчезновения СССР. На митинге по случаю 99-й годовщины Октябрьской революции лидер КПРФ Геннадий Зюганов заявил о стремлении своей партии воссоздать СССР. Об этом в понедельник 7 ноября 2016 г., сообщает «Интерфакс».

«Мы все сделаем, чтобы, возрождая советскую власть, чтобы, продвигая идеи Великого Октября, снова воссоздать наше могучее, порушенное в 1991 году государство», – сказал Зюганов. По словам главы КПРФ, партия будет приумножать и продвигать все лучшее из советской истории, которая «была легендарной» и «остаётся для нас маяком на будущее».²

Исключительно важно в этом вопросе мнение Президента Российской Федерации В. В. Путина, который определяет официальную точку зрения с 2000 г., т.е. большую часть прошедшего с официальной кончины в 1991 г. СССР времени.

В послании Федеральному собранию в апреле 2005 г. Путин назвал распад СССР «*крупнейшей геополитической катастрофой века*».

Широко известны слова В. В. Путина, произнесённые в 2010 г.: «Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца. А у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, у того нет головы».

И с мнением Путина можно только согласиться.

К сожалению, в рассуждениях политических и государственных деятелей не заметно даже признаков желания объективно разобраться в причинах и сущности действительно «крупнейшей геополитической катастрофы века». Получается, что если бы руководство КПСС было поумнее, не так старалось следовать заветам Ленина, вовремя стало бы проводить демократические преобразования, то Советский Союз существовал бы и дальше.

Конечно, не политики должны искать объективные причины краха СССР, проводить научные изыскания. Но они могут и должны создать запрос на такие исследования.

¹ <https://rg.ru/2016/12/21/mihail-gorbachev-nelzia-svodit-itogi-perestrojki-kraspadu-soiuz.html>

² <https://ria.ru/politics/20161213/1483480339.html>

В программах основных политических партий России начала XXI в. тема гибели СССР или не поднимается совсем, или освещается в упрощённом виде.

Собственно, об этом говорится только в различных версиях программы КПРФ, в которых причины краха СССР сводятся к деятельности «внутренних и внешних разрушителей», «погромщиков социализма». В программах других партий историческая часть отсутствует практически полностью, особенно в вариантах 2000-х годов.³

Довольно широкое распространение получили разного рода «конспирологические» объяснения причин «гибели» (именно гибели и никак иначе) СССР. Типичной для представителей этого направления является книга А. П. Шевякина. Для него исчезновение СССР является загадкой, которую надо разгадать с помощью «системного подхода». Чётко выражена мысль, что кризис и гибель СССР являются результатом выполнения Западом, прежде всего США плана по его уничтожению. Этот замысел был изложен в «плане Даллеса» (составленный из отрывков романа А. С. Иванова «Вечный зов» в редакции 1981 г.) и директивах Совета национальной безопасности США в конце 1940-х гг.

Шевякин в превосходных тонах отзывается о Сталине, при котором страна достигла грандиозных успехов, а внутренние враги были почти полностью уничтожены. Но, как только он умер, откуда-то вылезли «скрытые враги». Этим «скрытым врагам», «агентам влияния», ещё до перестройки «агента влияния» М. С. Горбачёва в течение 1953—1985 гг. «удалось занять ключевые позиции в информационно-управляющем центре, изменить распорядительные функции в свою пользу, занять страховую сферу, перекрыть сложившиеся каналы информации и снабжения материальными ресурсами, изменить механизм управления, проконтролировать, чтобы не появилось параллельного патриотического центра, и к тому же создать свои параллельные центры».⁴

Откуда они взялись, если Сталин почти всех уничтожил? Более того, они были в высшем руководстве уже при самом Сталине и даже смогли устранить ближайших и верных сотрудников вождя, ослабить его охрану, арестовать в январе 1953 г. 5 человек из ближайшего окружения Сталина.⁵

Продолжать выискивать подобные нестыковки и явные ляпы можно до бесконечности (сообщая об аресте 5 человек Шевякин ссылается на работу Р. Г. Пихои, но на указанной странице ничего этого нет, как и во всей работе). Вообще у него получается, что всё партийное и государственное руководство КПСС и СССР от Генерального секретаря ЦК КПСС до рядового номенклатурщика – это «агенты влияния», которые, сознательно или нет, выполняли тщательно разработанный в «мозговых центрах» дьявольский план всемогущего Запада во главе с США по разрушению СССР.

Какие приводятся доказательства? А никаких. Сам Шевякин откровенно пишет: «Прежде чем приступить собственно к изложению нашего исследования, мы должны остановиться на том, что речь пойдет **только о моих соображениях** (выделено авт. – В.Б.). Не более, но и не менее. Если в применении уже описанных нами методов по отношению к системе „СССР“ мы можем быть точно уверены, то в данном случае лишь выдвигается версия того, что сами излагаемые нами события, их характер были назначены, равно как был назначен и их порядок, последовательность одного за другим. А если это действительно было так, как мы излагаем, то отыскать и установить это крайне трудно, поскольку речь идет о глубоко системном применении ряда приемов, которое не то что осуществить, но и уло-

³ См. подробнее: Болоцких В. Н. Есть ли политические партии в России? Анализ партийных программ. М.: 2014.

⁴ Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательств. 1945—1991). М.: 2003. С. 147.

⁵ Там же. С. 19.

вить-то можно только системному исследователю. А, как нами уже признавалось, над реконструкцией перестройки „системщики“ еще не работали».⁶

Конечно, о работе Шевякина можно было и не упоминать в силу её бездоказательности, умозрительности и несоответствия с исторической действительностью. Но высказывания политиков и государственных деятелей о причинах краха СССР недалеко ушли от умозаключений бывшего криминального журналиста.

Но даже когда какой-либо автор обращает внимание на экономические причины краха СССР, в конце концов, всё сводится не к органическим, внутренним закономерностям, которые должны были рано или поздно привести к неизбежному финалу советское общество с его экономической, социальной, политической и идеологической составляющими.

Типичным примером такого рода является труд казахстанского автора Т. А. Абдразакова.

Во введении он указывает на существование нескольких точек зрения по вопросу о причинах распада советского общества. Одни авторы считают, что в середине 1980-х гг. экономическое развитие общества столкнулось с определёнными трудностями, проявившимися в падении производительности труда, в снижении эффективности капитальных вложений, в отставании техники и технологии, в неконкурентоспособности многих видов промышленной продукции, в возникновении диспропорции в отраслевой структуре народного хозяйства. Они полагают, что социалистическое общество, построенное за годы советской власти, показало свою жизнеспособность и оказалось более стабильным, нежели капиталистическое. Им казалось, что можно было изменить ситуацию в лучшую сторону путём укрепления трудовой дисциплины, обновления основных фондов, совершенствования методов планирования и управления, не прибегая к коренной ломке общественной системы посредством её радикального реформирования.

Т. А. Абдразаков пишет: «Сторонники второго взгляда считают, что централизованно-плановая экономика, основанная на административно-командных методах управления не была жизнеспособной. Она преуспевала только за счет хищнической эксплуатации природных и людских ресурсов при низком жизненном уровне населения. В результате неблагоприятного демографического фактора произошло замедление прироста рабочей силы. Ориентация на наращивание производства любой ценой привела к ухудшению качества производимой продукции, истощению природных ресурсов, возникновению и обострению экономической проблемы. Непрерывный рост затрат на производство энергии, сырья сопровождался увеличением издержек, возрастанием себестоимости продукции. Так обстояло дело не только в промышленности, но и в сфере сельскохозяйственного производства.

Существовал непреодолимый разрыв между производителями и потребителями. Последние не могли оказать воздействие на сферу производства. В этой обстановке давно сложившаяся система централизованного планирования и управления оказалась недостаточно эффективной. Все это и послужило причиной развала экономики и в конечном счете распада советского общества.

Существуют и другие мнения по данному вопросу. Одни считают, что советское общество не представляло собой социалистическое и потому невозможно дать оценку его жизнеспособности. Другие полагают, что экономика советской системы была малоэффективной по сравнению с рыночной. Это и явилось фактором, сыгравшим решающую роль в распаде общества».

Сам Т. А. Абдразаков стремится к объективному подходу и подчёркивает: «В действительности распад произошел под действием множества взаимосвязанных экономических,

⁶ Там же. С. 117.

социальных, внутренних и внешнеполитических факторов. При этом выделяется роль личностного фактора, сыгравшего немаловажную роль в распаде советского общества».⁷

Первая глава посвящена прогрессу в общественном развитии в условиях советского общества. Оценки исключительно положительные. Во второй главе речь идёт о причинах распада советского общества: слабая мотивация труда и производства, отсутствие научно обоснованного учёта затрат, техническое отставание, снижение эффективности планирования организации и управления общественным производством, нерешённость проблемы повышения благосостояния (в первой главе, по мнению автора, с этим проблем не было, даже во время Великой Отечественной войны обошлось без голода), разрыв между производством и потреблением, суженная основа свободы и демократии, нарушение декларируемых принципов национальной политики, затратный характер внешней политики государства, враждебные акции США, стран НАТО, направленные на дестабилизацию советского общества.

Нет необходимости разбирать слабые места работы. Во многом положения первой главы противоречат материалу второй. Только один пример. На странице 19 утверждается, что почти все колхозы были рентабельными. А на странице 120 написано, что одной из причин развала сельскохозяйственного производства было отсутствие паритета цен: «в период до перестройки колхозы и совхозы не возмещали свои затраты на производство продукции в условиях отсутствия эквивалентности в обмене. Цены на продукцию сельских товаропроизводителей были значительно ниже цен на продукцию промышленности, используемой на селе. В перестроечный период этот разрыв еще более увеличился». Утверждение, что при этом колхозы были рентабельными, в том числе в 1989 г. оставим на совести автора.

Во второй главе Т. А. Абдразаков ближе к истине, но дело в том, что он объясняет появление недостатков советской экономической системы не с помощью анализа самой этой системы, не выявляет сущностных её слабостей, а сводит всё к пресловутому «личностному» фактору. Он посвящает целый параграф рассмотрению личных качеств советских лидеров и рисует неутешительную картину. Достойным своего положения лидера страны оказывается только Сталин. Ему прощается всё, в том числе политика принудительного перевода казахов на оседлый образ жизни, насильственная коллективизация, которые привели к сокращению численности казахов в два раза. Это списывается на произвол местных руководителей, обманывавших Сталина.⁸

Остальные – Н. С. Хрущёв, Л. И. Брежнев, Ю. А. Андропов, К. У. Черненко и М. С. Горбачёв – были некомпетентны, слабы и привели экономику, а вслед за ней страну к развалу.⁹

Причины развала советского общества, таким образом, с точки зрения Т. А. Абдразакова лежат не в самой «социалистической» системе, идеях равенства и справедливости коммунистически, а в ошибках, недостатках руководства страной.

Среди других авторов, высказывавшихся по этой теме, никто всерьёз и обстоятельно не говорит об экономических причинах «крупнейшей геополитической катастрофы века». А если кто и обращает внимание на экономику, то сводит всё к финансовой и экономической войне зловредного Запада во главе с США против СССР. Тот же А. П. Шевякин говорит об использовании экспорта нефти и импорта высоких технологий для ослабления и разрушения СССР.¹⁰

Но возникает вопрос: а почему великий и могучий Советский Союз так **критически** зависел от импорта высоких технологий, предметов потребления и продовольствия? В этом

⁷ Абдразаков Т. А. Распад советского общества: причины и последствия. Караганда, 1999. С. 3—5.

⁸ Там же. С. 76—77.

⁹ Там же. С. 73—91.

¹⁰ Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательств. 1945—1991). С. 169—181.

случае нельзя сваливать вину на подрывную работу «агентов влияния», целенаправленно ведших СССР к гибели после смерти Сталина. Ведь и при жизни Сталина импорт и не только высоких технологий, а любых, носил грандиозные масштабы. Индустриализация в годы первых пятилеток («сталинская») проводилась за счёт ввоза станков, машин, всевозможного оборудования целыми заводами. Только хлеб тогда вывозили, не считаясь с голодом собственного населения, так как он был основным источником валюты. И насильственная коллективизация проводилась именно для того, чтобы получить как можно более дешёвый хлеб для экспорта.

И тоже вопрос: как могла страна, веками вывозившая хлеб, имевшая самые большие посевные площади в мире и плодороднейшие почвы, превратиться в крупнейшего его импортёра.

Общим у всех точек зрения, приводившихся здесь, является абсолютное отсутствие даже следов марксизма, который так упорно насаждался в умах советских людей десятками лет. Тут даже не скажешь, что в одно ухо влетело, а в другое вылетело. Марксистские представления даже не «влетали», не коснулись ума людей, многие из которых не только учили марксизм-ленинизм в советских школах и вузах, но даже его преподавали.

Любой человек, хотя бы мало-мальски знакомый с идеями Маркса, Энгельса, Ленина об естественно-исторических законах развития человека и общества, о материальном производстве как базисе общества, на котором зиждется социально-политическая надстройка, должен первым делом обратить внимание на характер экономических процессов в советский период. Но нет, упоминания об экономике сводятся к подчёркиванию великих достижений и наличию отдельных недостатков как результата слабости лидеров (кроме Сталина) и деятельности внутренних и внешних врагов.

Введение

В советский период своей истории Россия совершила колоссальный скачок в индустриальном развитии, превратилась в мощное государство, произошли огромные изменения в социальной структуре общества. Всё это отразилось на материальном положении советских людей.

И возникает важнейший вопрос – что понимать под мощью государства: только ли обладание военной мощью или наличие высокоразвитого промышленного и сельскохозяйственного производства, работающего на благо человека, а не на его уничтожение, обеспечивающего высокий уровень жизни населения, возможность саморазвития личности.

Другой принципиальный вопрос: в чём причины быстрого распада СССР, насколько большим потенциалом обладала советская экономическая система, если советская власть продержалась меньше 74 лет.

Чтобы ответить на эти вопросы необходимо иметь представление о том, как шло на самом деле экономическое развитие России в советский период, каково было материальное положение различных социальных слоёв и групп.

Но корни СССР уходят в глубину веков, поэтому необходимо сказать хотя бы кратко об особенностях развития России и факторах, определявших её исторический путь.

Глава 1. Природно-климатический фактор и особенности истории России

1. 1. Природа и сельское хозяйство в период возникновения и укрепления Великорусского государства

Среди факторов, определявших и определяющих особенности истории России, прежде всего, необходимо выделить природно-климатический. В поисках причин всё более растущего отставания России в социально-экономическом развитии от стран Запада, которое особенно проявилось в XIX – XX вв., вспоминают татаро-монгольское иго, ошибки царей и российских реформаторов, русский национальный характер и многое другое. Гораздо реже обращают внимание на природу России и то, каким образом она влияла на экономику России, а через неё на политическое развитие и формирование специфических черт русской общественной жизни и психологии русского человека. Вообще, скорее следует говорить о своеобразии развития России, чем об её отставании.

Во взаимодействии русского народа с окружающей природой действуют те же самые закономерности, что и у любого другого народа и надо только отыскать эти закономерности, выявить механизмы действия этих закономерностей, вообще взаимодействия общества и природы, выявить решающие факторы этого взаимодействия. Эти вопросы основательно рассмотрены в работах Л. В. Милова¹¹, на которых и основана эта глава.

Л. В. Милов проводит подробный сравнительный анализ климатических условий Западной и Центральной Европы, Северной Америки и Европейской части России. Речь идёт об историческом центре Великороссии, т.е. современной России.

В Западной и Центральной Европе и особенно в Северной Америке, случаются сильные морозы, но они редки, не стойки и не приводят к промерзанию почвы. И, главное, климат был более стабильным и «предсказуемым», земледелец достаточно редко сталкивался с колебаниями погоды: весенними и осенними заморозками, засухами и чрезмерными дождями. Л. В. Милов заключает характеристику климата Европейской России: «За внешними признаками общего климата типично умеренной зоны главная компонента, резко осложняющая и ухудшающая условия для земледелия, это осенние и весенние заморозки, а также переменчивый характер летнего сезона. Ведь в большинстве районов Нечерноземья практически не бывает „благорастворенной“ погоды „западноевропейского типа“, ведущей к непременному урожаю. Лето здесь то холодно-дождливое (и тогда все плохо растёт), то жаркое и засушливое (что также влечет за собой неурожай). В более южных районах постоянно присутствует угроза засухи или недостаточной влажности (исключением является Северный Кавказ)». Это приводит к частным неурожаям и голоду. Только один пример. В XVII в. отмечено 24 голодных года.¹²

Почвы в Европейской России в основном малоплодородные (более плодородные почвы юга Европейской России стали осваиваться только со второй половины XVIII в., но и там средние стабильным высоким урожаям препятствовал засушливый климат).

¹¹ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

¹² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 12—13.

Л. В. Милов приходит к принципиально важному выводу: «Даже краткое знакомство с особенностями климатических и почвенных условий Европейской части должно содействовать реальному восприятию того факта, что в исторических судьбах и Древнерусского государства, и Северо-Восточной Руси, и Руси Московской, не говоря уже о Российской империи, наш климат и наши почвы сыграли далеко не позитивную роль. История народов России, населяющих Русскую равнину, – это многовековая борьба за выживание».¹³

Неблагоприятные климатические условия, преобладание малоплодородных подзолов и болотных почв сочетались в течение многих столетий с сохранением малоэффективных экстенсивных систем земледелия.¹⁴ Огромных усилий также требовала одна из тяжелейших крестьянских работ – уборка, которая ложилась в основном на женщин. Так как зерно не созревало в большей части страны и масса труда затрачивалась для доведения его до необходимой кондиции. Для этого применялись суслоны, крестцы, копны, скирды, овины с многочасовой горячей сушкой снопов. В черноземных районах технология жатвы была более упрощённой, но тяжесть труда была не меньше, чем в Нечерноземье. Часто погодные условия вынуждали участвовать в этой работе взрослых мужчин и детей. Участие мужчин сказывалось на качестве работ по севу озими, основного продукта питания крестьянской семьи.

Л. В. Милов итожит: «Жатва – это завершающий этап в сельскохозяйственной страде России, вечно и неизбежно носящий „авральный“ характер».¹⁵

Добавим, что именно климатические и почвенные условия способствовали сохранению архаичных систем земледелия до XIX в. (о чём упоминает и Л. В. Милов), так как короткий сельскохозяйственный сезон и низкие урожаи не давали ни времени, ни достаточных средств для внедрения более интенсивных систем земледелия.

Во времена господства подсечной системы земледелия урожаи доходили до сам-10, то есть около 15 центнеров с га и даже больше. Но такой крайне экстенсивный способ земледелия помимо затрат труда на обработку почвы требовал постоянных и громадных усилий целого коллектива людей (общины) для расчистки больших участков леса при почти ежегодной смене пашни. Так что в расчёте на душу населения зерна производилось не много.

Регулярное паровое трёхполье явилось переворотом в земледелии, оно дало крестьянину огромную экономию труда, изменило весь уклад его жизни, оно сделало возможным перенесение центра тяжести хозяйственной деятельности с общины на индивидуальное крестьянское хозяйство. Но переворот этот имел существенные недостатки, так как повлёк за собой снижение урожайности и доли пшеницы в структуре посевов.

Так как ведение отдельного хозяйства было возможно лишь ценою потери в уровне производства, то сама самостоятельность этого хозяйства оставалась неполной. Дело в том, что при паровом трёхполье скудные почвы быстро истощались, а восстановление их плодородия было связано с применением подсеки и перелога. А это вновь требовало больших затрат труда и помощи общины.

Только прибегая периодически к дополнительному возделыванию земли с помощью перелога или подсеки, то есть к коллективной расчистке леса, подъёму целины, создавая «излишние» временные пашни, русский крестьянин более или менее сводил концы с концами. Периодически обновлялась и сама регулярная пашня, так как через 20—30 лет, как правило, и она теряла свое плодородие. Отсюда и характерное для Северо-Восточной Руси «гнездовое» расположение поселений, при котором близлежащие небольшие деревни образовывали более крупные объединения – сёла, волости, члены которых приходили на помощь друг другу.

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 160—161.

Сведения об урожайности встречаются с конца XV в. В Водьской и Шелонской пятинах известны примеры урожайности ржи того времени – от сам-1,7 до сам-2,3, по Обонежской пятине – сам-3, по Деревской – сам-2 и сам-3.

Имеются данные по Иосифо-Волоколамскому монастырю конца XVI в. В его сёлах во Владимирском, Суздальском, Тверском, Старицком, Рузском, Волоцком и Дмитровском уездах (то есть гораздо южнее Новгородских земель) за отдельные годы урожайность ржи была в пределах от сам-2,45 до сам-3,3, овса – от сам-1,8 до сам-2,56, пшеницы – от сам-1,6 до сам-2,0, ячменя – от сам-3,7 до сам-4,2 и т. д.

В XVII – XVIII вв. картина практически не меняется. По вологодскому Северу рожь давала от сам-2 до сам-2,7, овёс – от сам-1,5 до сам-2,8. Со второй половины XVIII в. появляются сводные данные об урожайности по губерниям. Так, по Тверской губернии в 1788—1791 гг. урожайность ржи и овса в среднем колебалась от сам-1,9 до сам-2,8, по пшенице – от сам-1,9 до сам-2,7. Данные по Новгородской, Московской, Костромской, Нижегородской губерниям дают похожую картину. К югу от Оки, где преобладали деградированные чернозёмы (Калужская, Рязанская, частично Орловская, Тамбовская и другие губернии) в 80—90-е годы XVIII в. урожайность была немногим выше, чем в Нечерноземье.

Мало меняется положение с урожайностью и в XIX в.¹⁶

Таким образом, в историческом центре Российского государства в течение, по крайней мере, 400 лет уровень урожайности был необычайно низок, но и он достигался путём громадных затрат труда.

Первой причиной стабильно низкой урожайности в основных регионах России была худородность почв. Однако низкое плодородие почв объясняет далеко не всё. Ведь во многих странах Европы почвы были также не самые лучшие, но благодаря тщательной обработке и обильным удобрениям урожайность там, особенно в Новое время, постоянно росла. Почему же в России было иначе? Почему повышение плодородия связывали здесь только с обновлением пахоты за счёт залежи или росчистей, а не прибегали к более тщательной обработке и обильному удобрению?

Рост плотности населения, приведший к нехватке пашни и распашке лугов со второй половины XVIII в. и вследствие этого к сокращению скотоводства и недостатку навоза, мало что объясняет, так как и до этого времени урожайность была низкой.

Основная причина кроется в особенностях природно-климатических условий исторического центра России. Надо иметь в виду то, что, при всех колебаниях в климате, цикл сельскохозяйственных работ здесь был необычайно коротким – всего 125—130 рабочих дней (примерно с середины апреля до середины сентября по старому стилю). В течение столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на неё у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота.

Данные описей крупного господского (монастырского) хозяйства середины XVIII в. показывают трудозатраты: по нечерноземным губерниям 72,6—73,6 человеко-дней при 33,0—34,4 коне-днях; по Владимиро-Суздальскому ополью 45,3—46,7 человеко-дней при 18,9—20,7 коне-днях; по черноземным регионам – 41,3—43,4 человеко-дней при 21,9—22,5 коне-днях.

Таков был уровень трудозатрат в монастырском хозяйстве, где существовала реальная возможность концентрации на полях массы рабочих рук и где применялось и «двоение», и «троение» некоторых яровых культур, и многократное боронование и т. п. Для оценки же производственных возможностей собственно индивидуального крестьянского

¹⁶ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 37—39; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 162—189.

хозяйства, где был минимум рабочих рук (семья из 4 человек, из них двое детей), за неимением прямых данных необходим приблизительный подсчёт. Из 130 дней примерно 30 дней уходило на сенокос и, значит, крестьянин от посева до жатвы включительно имел около 100 рабочих дней.

По данным Генерального межевания и губернских отчётов второй половины XVIII в., средняя обеспеченность пашней в Нечерноземье достигала 3—3,5 десятин во всех трёх полях на мужскую ревизскую душу (в средней крестьянской семье из 4 человек таких ревизских душ было обычно две). Таким образом, на «тягло» (взрослые мужчина и женщина) приходилось 6—7 десятин пашни. Из них под ежегодный яровой и озимый посевы шло 4—4,7 десятины. Практически в семье из 4-х человек пашню пахал один работник. Имея 100 рабочих дней, он мог на вспашку, боронование и сев потратить в расчёте на 1 десятину (без жатвы и обмолота) 21,3—25 рабочих дней. В господском (монастырском) хозяйстве трудозатраты на 1 десятину составляли 39,5 человеко-дней, то есть в 1,58—1,85 раза больше, чем в крестьянском.

Находясь в столь жёстком цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями труда, крестьянин мог лишь в минимальной степени обработать свою пашню и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почвы и капризов погоды. Реально же при данном количестве рабочего времени качество его земледелия было таким, что он не всегда мог вернуть в урожай даже семена. Выход из этого по-настоящему драматического положения был один. Русский земледелец должен был в 21—25 рабочих дней реально вложить в землю такой объём труда, который в более благоприятных условиях господского хозяйства на барщине занимал около 40 рабочих дней. Практически это означало для крестьянина неизбежность труда буквально без сна и отдыха, труда днём и ночью, с использованием всех резервов семьи (труда детей и стариков, женщин на мужских работах и т.д.). Крестьянину на западе Европы ни в средневековье, ни в новое время такого напряжения сил не требовалось, ибо сезон работ был там гораздо дольше. Перерыв в полевых работах в некоторых странах был до удивления коротким (декабрь-январь). Конечно, это обеспечивало более благоприятный ритм труда, и более тщательную обработку пашни (4—6 раз).

В этом заключается главное различие между Россией и Западом на протяжении столетий. Ещё в XVIII в. агроном И. Комов писал: «... У нас... лето бывает коротко и вся работа в поле летом отправляется... В южных странах Европы, например, в Англии (!) под ярь и зимою пахать могут, а озимь осенью в октябре, в ноябре сеять... Поэтому у нас еще больше, нежели в других местах, работою спешить должно».

Из-за нехватки рабочего времени многие крестьяне оказывались не в состоянии обработать весь свой надел. Так во второй половине XVIII в. фактический посев и пар составляли 53% от среднего надела в 3—3,5 десятины на душу мужского пола. В 1788 г. доля посева в Тульской губернии составляла ко всей пашне всего 46,7%.¹⁷

В соответствии со сказанным находятся данные о недостаточности хлеба у крестьян. Один пример. В середине XVIII в. по Кондужской волости беднейшая группа дворов (74% хозяйств волости) сводила хлебный бюджет с дефицитом в 74,3 пуда. Во второй группе дворов (17% хозяйств) средний излишек составлял всего 14 пудов. Лишь третья группа (9%), к которой относились самые зажиточные крестьяне, имела значительный излишек хлеба — до 214 пудов. Однако с учётом удельного веса той или иной группы дворов, получается в среднем по всей волости дефицит хлебного бюджета в 33,4 пуда.

¹⁷ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 39—40; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 190—213.

Для крестьянина разница урожая всего лишь в один «сам» имела в России громадное значение, так как давала возможность иметь хотя бы минимум товарного зерна. Однако достигнуть урожая в сам-4 в целом по Нечерноземью не удавалось на протяжении многих веков. Крестьянину оставался один выход – резко снижать свое потребление и таким образом «получать» товарный хлеб, но такой выход был, конечно, иллюзорным, не дающим серьезных товарных запасов.¹⁸

Отсюда вытекает главный вывод: крестьянское хозяйство коренной территории России обладало крайне ограниченными возможностями для производства товарной земледельческой продукции, и эти ограничения обусловлены именно неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Кроме того, постоянная низкая урожайность находилась в прямой зависимости от плохого качества удобрения полей. Норма вывоза навоза на десятину (га) – примерно 1500 пудов (24 тонны) – практически никогда не соблюдалась. В Центрально-промышленном районе в середине XVIII в. на монастырские поля вывозили в 60% случаев лишь половину этой нормы, то есть полному удобрению земля подвергалась один раз в 6 лет, часто этот срок был гораздо больше.

По свидетельству известного в XVIII в. агронома А. Т. Болотова, в Каширском уезде Тульской губернии удобряли пашню один раз в 9 и даже в 12 лет. И это при том, что в XVIII в. хорошо знали, сколько надо было иметь навоза для регулярного, раз в 3 года, удобрения пара. Агроном того времени И. Елагин, в частности, считал, что на десятину пара (или 3 десятины пашни) следует иметь 2 лошади, 2 коровы, 2 овцы и 2 свиньи, то есть примерно 6 голов крупного скота. Но реально подходя к делу, граф П. А. Румянцев писал, что в его имениях «на десятину посева [следует] держать одну корову и две молодых от приплода», т. е. около 3—4 голов крупного скота на десятину пара.

Ещё хуже стало в XIX в. В Тульской губернии в первой половине этого века посевная площадь удобрялась раз в 15 лет, в ней на десятину пара было 1,2 головы крупного скота. Во второй половине XIX в. во многих уездах Московской губернии на десятину пара приходилось 1—1,5 головы крупного скота, то есть пашню удобряли (по норме) раз в 12—18 лет. В Орловском уезде Вятской губернии пар унавоживали раз в 12 лет, а всю землю раз в 36 лет.

Практика XVIII и первой половины XIX веков продолжала давнюю традицию, так как столь же мало удобрялись, например, монастырские поля в конце XVI – начале XVII вв. Так, в Иосифо-Волоколамском монастыре, по данным Н. А. Горской, пашня удобрялась примерно один раз в 24 года (сведения за 1592 и 1594 годы), а земли Кирилло-Белозерского монастыря – один раз в 9 лет (данные 1604—1605 годов).

Острая нехватка удобрений на крестьянских и даже на господских полях имеет своё объяснение. При необычайно длительном стойловом содержании скота, равном примерно 200 суткам и усиленном суровым режимом зимы, срок заготовки кормов в Нечерноземье был очень ограниченным. Обычно сенокос продолжался 20—30 дней, и за это время надо было запасти огромное количество сена.

В 1760-х гг. И. Елагин полагал нормальными следующие рационы кормления скота сеном. На 7 месяцев стойлового содержания для лошади – 160, для коровы – около 107, для овцы – около 54 пудов. Следовательно, на 2,25 головы крупного скота (лошадь, корова и овца) нужно было около 323 пудов сена. А среднее одנותягловое хозяйство, имея примерно 2 лошади, 2 коровы и 2—4 овцы, накашивало обычно около 300 пудов сена.

¹⁸ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 41—42.

Реально на лошадь, видимо, шло около 75 пудов, на корову и овцу – каждой около 37—38 пудов. Корове и овце сена давали практически одинаково, так как овца питалась только сеном (не считая веников), а корова могла есть и солому.

В больших барских имениях сенной корм лошадям, которые были в работе в период стойлового содержания, давали на 7 месяцев по 106 пудов на голову. Это в 1,5 раза лучше крестьянских нормативов. Однако неработающие лошади получали вдвое меньше – от 45 до 50 пудов на 7 месяцев. Чаще всего режим кормления был таким: во время работы – по полпуда в сутки, без работы – по 10 фунтов сена на ночь (или около 80 пудов за 7 месяцев).

Сверхэкономный режим кормления скота сеном к XVIII в. был уже давней традицией и стал нормой. Так в 1592 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре на корову расходовали за зиму 34,5 пуда сена, на овцу – 42 пуда и на лошадь – 78 пудов. А через два года норма кормления скота сеном была снижена в монастыре в два раза. Таким образом, скот на протяжении веков получал сена в 2,7—3,5 раза меньше полной нормы. И это происходило не только потому, что мало заготавливалось сена, в том же Иосифо-Волоколамском монастыре в 1592 и 1594 годах сено шло на самые различные нужды обширного хозяйства, а часть его даже продавалась. Просто так было уже принято. За века выработались нормы кормления скота и, заготовленное сверх обычного сено, не скармливалось скоту, а использовалось на другие нужды и продавалось.

Острая нехватка сена приводила к тому, что основой кормовой базы скота у крестьянина и у барина была солома. Практически урожай зерновых культур оценивался двояко: какова солома и каково зерно. В хозяйственной терминологии документов были даже специальные термины «ужин» и «умолот». Первый относился к соломе, а второй к зерну. Но солома была кормом, лишённым витаминов, малопитательным, вредным для животных. Наиболее грубая и тяжёлая пища – ржаная солома.

Кормление скота соломой крестьянин считал нормой, мало того, заготавливая на одно тягло более 300 пудов сена, мог «излишки» его и продать. Особенно часто сено продавали там, где было много заливных лугов и укусы на них достигали 200—250 пудов с десятины. Но мест, где достаточное количество сена вело к товарному животноводству, почти не было.

Отношение к сену как к роскоши, без которой можно и обойтись, весьма глубоко укоренилось в сознании русского человека. Например, видный хозяйственный деятель XVIII в. хорошо образованный В. Н. Татищев искренне полагал, что «скотина ж без всякой нужды без лугов продовольствоваться может одним полевым кормом», то есть соломой, ухвостьем, мякиной и т. п.

Не всегда хватало и соломы. В тяжёлые годы даже в дворцовом хозяйстве обычной рабочей лошади давали лишь 46—49% полагающегося рациона соломой, хотя основной корм (сено) был в величайшем дефиците (20 пудов на голову на 7 месяцев).

Российские лошади по существу были лишены такого корма, как овёс. В Англии, например, в конце XVIII в. рабочая лошадь получала в год 120—130 пудов, в день по 5,7 кг. В России же по таким нормам кормили только породистых рысаков, ездовых лошадей в барских хозяйствах (98,2 пуда), остальные получали по 28,6 пудов.

Естественно, что крестьянские лошади были мелкими, слабосильными, а весной буквально падали от бескормицы. В помещичьих инструкциях XVIII в. это находит прямое отражение (лошади, «весною от бескормицы тощи и малосильны»). Для русского крестьянина ранний весенний сев всегда составлял трудную проблему: надо сеять, а лошадь еле стоит на ногах. Только побывав на подножном корму, животное становилось пригодным к пахоте (или в результате усиленного кормления накануне весенних работ). А время упущено: поздний сев ставил урожай (особенно овса) под угрозу от ранних осенних заморозков. Кроме того, резкий переход к зелёному корму нередко вызывал у лошади болезни. Подобное положение сохранилось в XIX – начале XX в. Недаром уже в 1870-е годы в центральных рай-

онах России число безлошадных хозяйств достигало четверти всех крестьянских дворов, а к 1912 г. в 50 губерниях страны насчитывалось до 31% безлошадных хозяйств. Число же безлошадных и однолошадных достигало в конце XIX – начале XX вв. 55—64% всех дворов.

В силу тех же обстоятельств на протяжении примерно четырёх столетий в Нечерноземье практически не было товарного скотоводства. Оно было «навозным», так как его основное назначение – удобрение полей. Уже в начале XX в. экономист А. Чаянов отмечал наличие в большинстве русских губерний кормового голода, когда абсолютно необходимое количество скота, требуемое иногда только для тяги и навозного удобрения, не может быть обеспечено кормами.

Товарное зерно и винокурение в XVIII – XIX веках появлялись в результате снижения уровня питания, Л. В. Милов подчёркивает, что рынок до отмены крепостного права – это «рынок продажи хлеба из нужды».¹⁹

Большие затраты труда на полеводство приводили к тому, что крестьяне мало внимания уделяли огородничеству. Крестьянские огороды были небольшими и овощеводство было, как правило, занятием женщин и детей.

Товарным же огородничеством занимались горожане, что было исторической особенностью России.²⁰

¹⁹ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 43—47; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 214—256, 383—386, 389, 390—391, 394—395, 398, 407, 410—411.

²⁰ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 257—258, и др.

1. 2. Природа России и особенности развития государства и общества

Основные свои соображения о роли природно-климатического фактора в истории России, его влиянии на становление и развитие российского общества и государства Л. В. Милов высказал в заключении к своей масштабной работе. За некоторыми исключениями, с его выводами можно согласиться, поэтому далее они приводятся в подробном изложении. Те же моменты, которые вызывают возражения, здесь пропущены для краткости, а собственные мысли автора приведены отдельно.

Л. В. Милов исходит из того, что природно-климатический фактор имел важнейшее влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития социальных формирований, охватывающих племена или народы, целостные государственные образования и государства. Это влияние прослеживается не только тогда, когда разница в природно-климатических условиях резко контрастна и поэтому вполне очевидна (например, страны долин Нила, Двуречья, с одной стороны, и страны Европы, с другой), но и при отсутствии такого резкого контраста (например, Запад Европы и Восток Европы). В последнем случае влияние это не столь грандиозно, как в первом случае. Разница в темпах развития человеческих сообществ на Западе и Востоке Европы прослеживается хотя и в рамках одной общественно-экономической формации, но вместе с тем она глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер. Речь идёт о разных типах и темпах развития феодального общества.

Важнейшей особенностью сельского хозяйства большей части Российского государства всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября), не отличаясь при этом сколько-нибудь солидной суммой накопленных температур. В то же время на Западе Европы на полях не работали лишь декабрь и январь. Это не бросающееся в глаза различие носит между тем фундаментальный характер, поскольку такая серьёзная разница производственных условий и, следовательно, открывшихся для человека возможностей в удовлетворении потребностей радикальным образом влияла на экономическое, политическое, культурное развитие Запада и Востока Европы.

На Западе Европы это обстоятельство обусловило интенсивный процесс трансформации общины как формы производственного сотрудничества коллектива индивидов в общину лишь как социальную организацию мелких земельных собственников-земледельцев. Раннее упрочение индивидуального крестьянского хозяйства стимулировало раннее появление частной собственности на землю, активное вовлечение земли в сферу купли-продажи, появление возможности концентрации земельной собственности, формирование крупной феодальной земельной собственности.

Результатом подобной эволюции было становление типа государственности, которому практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Роль такого государства даже в создании так называемых *всеобщих условий производства* всегда была минимальной. При подобном типе эволюции центр тяжести развития всегда был как бы «внизу»: в крестьянском хозяйстве, в хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Феодальной сеньории и городской коммуне была свойственна максимальная активность их административной, социальной и социокультурной функции.

В конечном счёте именно отсюда происходило удивительное богатство и разнообразие форм индивидуальной деятельности, бурное развитие культуры, искусства, сравнительно раннее развитие науки. Фундаментальным основанием этих процессов было быстрое и широкое развитие ремесла и торговли, раннее формирование капитализма и т. д.

Конечно, это лишь основная тенденция подобного типа развития, не стоит забывать о конфликтности ситуаций, возникавших в разное время в сложном переплетении национальных, конфессиональных и политических интересов групп, сословий, народов.

В пределах Восточноевропейской равнины необычайная кратковременность цикла земледельческих работ русских крестьян усугубляется преобладанием малоплодородных почв. В таких условиях для получения минимального результата необходима была наибольшая концентрация труда в относительно небольшой отрезок времени. Однако индивидуальное крестьянское хозяйство не могло достигнуть необходимого уровня концентрации трудовых усилий в объективно существовавшие здесь сроки сельскохозяйственных работ. Так называемые «ритмы климата» в виде относительного потепления или, наоборот, сравнительного похолодания не могли существенно влиять на веками утвердившиеся сроки тех или иных работ. Они всегда были необычайно краткими.

Отсюда необходимость для российского крестьянина высоких темпов работ, крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования детского труда и труда стариков. Однако и при этом, чаще всего русский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда. Усугубляло ситуацию отсутствие необходимого времени для обязательной заготовки корма для скота, необходимые объёмы которого намного превышали подобные заготовки других регионов и были обусловлены длительностью стойлового содержания животных.

Следствием этого была невысокая агрикультура, низкая урожайность и низкий, в конечном счёте, объём совокупного прибавочного продукта общества вплоть до эпохи механизации и механизации этого вида труда. Всё это, казалось бы, создавало условия для многовекового существования в этом регионе лишь сравнительно примитивного земледельческого общества.

Вместе с тем потребности более или менее гармоничного развития социума выдвигали к жизни, порождали своего рода компенсационные механизмы выживания.

Крайняя слабость индивидуального парцелльного хозяйства в условиях Восточноевропейской равнины была компенсирована громадной ролью крестьянской общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности.

Ограниченный объём совокупного прибавочного продукта в конечном счёте создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного разделения труда. Однако задача гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объёма совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества. Но на путях этой «оптимизации», т.е. объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община – оплот локальной сплочённости и средство крестьянского сопротивления.

Неизбежность существования общины, обусловленная её производственно-социальными функциями, в конечном счёте привела к складыванию наиболее жестоких и грубых механизмов изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объёме. Отсюда появление режима крепостничества, сумевшего нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В свою очередь, режим крепостничества стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти – российского самодержавия.

Российское самодержавие имеет глубокие исторические корни. Суровые природно-климатические условия сделали процесс разложения первобытного общества

у восточных славян необычайно длительным, растянутым на многие столетия. Существенная ограниченность объёма совокупного прибавочного продукта в конечном счёте диктовала и сравнительно ограниченную на первых этапах численность складывающегося господствующего класса. Больше того, сам облик этого класса на ранних этапах древнерусской государственности был военизированным. Ведь чем меньше объём прибавочного продукта, создаваемого обществом на ранних его этапах, тем сильнее проявляется роль насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта. Кроме того, длительное время даже в условиях существования раннеклассового общества и государства война всё ещё продолжала сохранять функции своеобразного «средства производства». На ранних этапах государственности для обычных налогово-управленческих и даже полицейских форм время ещё не пришло. И потребности управления вызвали к жизни такое явление как полюдье.

Полюдье как форма бескомпромиссного военного господства при систематическом изъятии прибавочного продукта, видимо, очень рано обнаружило тенденцию к универсальности своих функций, к перерастанию их из чисто налоговых в общегосударственные. Отсюда, вероятно, можно предположить и раннее зарождение судебных функций полюдья, и исключительность даннических видов взимания ренты на ранних этапах развития феодальной государственности, когда рента и налог слиты вместе в единое целое. Вполне возможно, что полюдье представляет собой и наиболее раннюю, зародышевую форму проявления верховной собственности на землю.

В то же время сама форма полюдья как форма «странствующей» государственной машины также была непосредственным следствием общей ограниченности объёма совокупного прибавочного продукта. К тому же общая его ограниченность усугублялась специфически экспортной формой его весьма существенной по объёму части (воск, мёд, меха и т.п.), что вызывало громадные государственные и людские издержки при его сбыте.

Динамичность «странствующей» государственной машины в немалой степени содействовала становлению такого типа феодального государства, в котором, по крайней мере, в период полюдья, глава его был конкретным вершителем дел на местах. Подобное положение явно способствовало сосредоточению в его руках огромной власти и энергичному совершенствованию механизма изъятия и централизованного перераспределения ограниченного по объёму совокупного прибавочного продукта. Видимо, так же как в центрально-европейских государствах, важную роль сыграла при этом созданная раннефеодальным государством система, получившая в новейшей историографии название «служебной организации», важнейшей функцией которой было обслуживание потребностей господствующего класса. Такого рода структуры были призваны создать альтернативу системе крупного феодального землевладения и укрепить тот тип государственности, где дуализм, то есть соотношение частнособственнических тенденций и элементов общественного землепользования, был в относительном равновесии. Итогом всех этих существенных особенностей развития восточнославянского социума был тот специфический строй, который в нашей литературе получил определение «государственного феодализма».

Важнейшим элементом такого строя был институт «власти-собственности», обнаруживающий себя, в частности, в синкретизме институции «князь» (с одной стороны, это глава государства, персона, а с другой – это само государство, его казна и т.д.). Видимо, в Киевском государстве в первый период его существования в силу этого не было и княжеского домена. Передача наследства сыновьям киевского князя – это передача власти-собственности в виде удела, во главе которого наследник становился суверенным главой, со всеми имущественными следствиями. Это обстоятельство и вызвало столь странную так называемую «феодальную раздробленность», при которой сложилась иерархия удельных князей, очередность восхождения их на киевский стол, единое законодательство.

И только спустя столетия, после укоренения киевских наследников в Северо-Восточной Руси, в механизм деления «власти-собственности» включаются элементы действительного процесса феодальной раздробленности.

Возрождение русской государственности проходило в многовековой борьбе как с иноземным игом, так и бурно развившейся феодальной раздробленностью.

И вновь объективная реальность существования русского социума в суровых природно-климатических условиях Восточной Европы включила в действие по сути дела те же механизмы самоорганизации общества с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта.

Частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности. В системе «государственного феодализма» верховная собственность на землю оставалась у государства, а крестьяне были «держателями» земли, обязанными перед государством налогами, оброком и натуральными повинностями. В отдельных регионах в определённые эпохи такая «государственная земля» могла превращаться в фактическую собственность «государственных крестьян», оставаясь при этом всегда в орбите экономических отношений внутри этого сословия. И даже в XIX в. государь особо не различал домен и государственные земли.

В распоряжении же феодалов всегда была лишь часть территории Русского государства. На заре государственности длительный период времени они имели на правах частной собственности лишь сёла-усадыбы, то есть основные резиденции, где были жилище и хозяйственный комплекс. Большая же часть средств для существования феодала поступала через государственные каналы.

В послемонгольский период феодальное землевладение развивалось, видимо, быстрыми темпами, но обладало малым запасом прочности. Будучи, как правило, дарованным феодалу государством, население того или иного села или деревни относилось к нему не как к хозяину, а как к господину, насильно владеющему землей и строениями и вынуждающему крестьян платить ему оброк и нести повинности. На Руси долгие столетия владельческие крестьяне, объединённые в общину, считали землю, на которой живут, платят с неё налоги и выполняют повинности, по сути дела, своей землёй, а не землёй феодала, на которую они бы добровольно пришли и которую обрабатывали бы, вознаграждая феодала-хозяина за кров и ту же землю. Следовательно, здесь не было своего рода равновесия отношений крестьянина и вотчинника. Именно это равновесие и создавало на Западе Европы тот баланс взаимных интересов крестьянина и феодала, который придавал сеньории известную прочность. И эта прочность была тем выше, чем твёрже были права феодала на землю.

Московские князья понимали непрочность результатов своей деятельности по приращению территории Великого княжества Московского, по созданию единого государства. Видимо, не следует переоценивать такой фактор, стимулирующий объединение княжеств, как рост торгово-экономических связей, хотя, безусловно, он имел немалое значение. Решающим же обстоятельством, стимулировавшим объединение княжений, были задачи политического характера: свержение ордынского ига и воссоздание Русского государства. Однако по достижении этой цели в конце XV – начале XVI века политическая элита, видимо, осознала реальную ограниченность во времени действенности этих факторов: ведь их влияние как стимулов к объединительной деятельности для тысяч феодалов неизбежно ослаблялось по мере реализации этих целей. На первый план выдвинулись задачи упрочения, цементирования нового политического формирования, в котором по-прежнему общество оставалось внутренне рыхлым, непрочным, как любое феодальное общество, где ещё не созрели условия для внутренней относительной прочности каждой вотчины, где ещё не возникла новая система феодальной иерархии, которая сплотила бы господствующий класс.

Исторически выход был найден в форсировании развития условной формы феодального землевладения – той формы, которая, будучи конституированной государством, влекла за собой резкое усиление политико-экономической роли этого государства, ставила каждого помещика в прямую зависимость от государя, от центральных властей, сделав факт обладания землёй лишь следствием его верной службы (и прежде всего военной и государственной) великому князю Московскому, а позднее царю. Больше того, примерно с середины XVI в. и обладание вотчиной было для каждого феодала обусловлено службой царю, хотя вотчина по-прежнему была несравненно более полной формой собственности, чем поместье.

Наиболее стремительные темпы преобразования земельной собственности феодалов характерны для последней трети XV в. и правления Ивана IV. Присоединение к Москве Великого Новгорода закончилось массовой ликвидацией огромного количества вотчин, выселением их бывших владельцев в другие районы страны и насаждением в новгородских землях почти сплошь поместной формы землевладения. Точно так же в правление Ивана Грозного феодальное землевладение, принципы которого были теперь укреплены и упорядочены реформами 1550-х годов, стремительно развивалось именно как поместное землевладение. Думается, что такие скоротечные и широкомасштабные преобразования были бы на Западе Европы просто невозможны, потому, что там сильнее была сословная корпоративность дворянства и прочнее была внутренняя устойчивость сеньории.

Энергичный, насильственный характер реформ земельной собственности, проводившихся, в частности, во второй половине XVI в. с особой жестокостью, повлёк за собой серьёзные осложнения внутривластной и экономической жизни страны. В свою очередь, и сами они были усугублены войнами Ивана IV. В итоге страна вползала в тяжёлый экономический и социальный кризис, сопровождавшийся упадком хозяйства, голодом, запустением и т. п.

С прекращением династии Рюриковичей в стране в начале XVII в. началась жестокая борьба за место в среде господствующего класса-сословия, отягощённая выступлением социальных низов. Это была своего рода «гражданская война», известная как эпоха «Смуты».

Тяжелейшее для страны время кончилось наступлением мира в 1618 г. Последствия Смуты были чудовищными: громадное оскудение населения, катастрофическое падение его численности и катастрофическое сокращение пашни и т. д. Лишь к 1650—1670-м гг. основные последствия разрухи страны были преодолены.

И, тем не менее, кардинальные цели господствующего класса даже в условиях жесточайшего кризиса были решены. Созданы были основы жестокого механизма извлечения совокупного прибавочного продукта. Внедрена была система поместной формы землевладения. К первой половине XVII в., по мнению ряда исследователей, поместья составляли уже около 60% всего частновладельческого фонда земель.

Несмотря на явное стремление владельцев поместий превратить их в вотчины и избавиться от экономической неэффективности поместий как формы хозяйства, ярко обнаружившей себя в годы кризиса, все правительства России, оберегая общество от новых потрясений, явно уклонялись от каких-либо кардинальных решений и не форсировали обратного преобразования поместий в вотчины. Слишком важна была условная система землевладения для политического укрепления системы неограниченной самодержавной власти монарха, для формирования дворянства как основы незыблемого государственного единства. В конечном счёте переход поместий на статус вотчины был растянут на период более столетия. Более мощные хозяйственные возможности вотчины, обнаружившие себя в период упадка экономики после Смуты, и прежде всего явные предпочтения крестьян, отдаваемые этой форме хозяйства, стали основой крепостничества не только как жестокой формы эксплуатации, но и вместе с тем как системы выживания на основе отношений патернализма в небла-

гоприятных условиях жизни российского социума. Будучи слитой с крестьянской общиной, она положила начало прочнейшему режиму самодержавного государства.

Характернейшей особенностью российской государственности являются её хозяйственно-экономические функции. Потребность в деспотической власти была первоначально обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом и внешней опасностью), а потом и экономически. Ведь помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, «государственная машина» была вынуждена форсировать процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия. Это происходило из-за традиционных черт средневекового российского общества – исключительно земледельческого характера производства, отсутствия аграрного перенаселения, слабого развития ремесленно-промышленного производства, постоянной нехватки рабочих рук в земледелии и их отсутствия в области потенциального промышленного развития.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». В XVI – XVII вв. – это строительство пограничных крепостей-городов, оборонительных циклопических сооружений в виде засечных полос, крупных металлургических производств для выпуска оружия и средств сооружения тех же засечных полос. В XVIII в. на первый план выступает необходимость строительства огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых сооружений и т. п. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без особого государственного сектора экономики совершить всё это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, её огромных территорий, функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли её государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всём протяжении российской истории.

Незначительная численность господствующего слоя символизирует крайнюю упрощённость самой российской системы самоорганизации российского общества. Не случайно из-за этой упрощённости из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи, резче всего проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная. А государственные рычаги, выполняющие функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни. Управленческая роль общины усиливала её как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счёте необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении.

Весьма длительный в условиях России процесс правового и фактического укрепления феодальной земельной собственности, тем не менее, далеко не всегда давал желаемые результаты – т.е. доведение земельного владения дворянина до нормы полноправной частной собственности (хотя и феодальной).

Скорее всего, здесь вновь решающую роль сыграли неистребимые традиции крестьянского общинного землевладения и землепользования. Ведь в практической жизни феодал-земледелец всегда подчинялся традициям в системе землепользования. В частности, это хорошо известная в литературе система «открытых полей», когда на сжатое поле феодала или крестьян выгонялся скот без различия его принадлежности. Это и обычай подчинения феодала действиям общины при ведении севооборота. А ещё бывали общие выпасы, общие леса и т. п.

Вся история русского народа и специфичность ведения земледельческого хозяйства не способствовали вызреванию сколько-нибудь твёрдых традиций частной собственности на землю.

Чисто эволюционное развитие в весьма своеобразных природно-климатических условиях имело своим результатом лишь веками бытовавшие слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с относительно высоким уровнем оплаты труда, господством подённой и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления и расширения производства. В силу этого уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал в России размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего, купцами.

Когда же во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стали развиваться прежде всего крупное промышленное производство и процесс его очень ранней монополизации. Природно-географический фактор и в первую очередь огромная территория России сыграли в этом далеко не последнюю роль.

В периоды правления Петра I и Екатерины II были проведены колоссальные по эффективности преобразования в виде резкого подъёма промышленности, наращивания военной силы государства и, что особенно важно, создания пространственно-географических условий экономического развития страны.

Таким образом, развитие государственных структур, государственного хозяйства и «государственной машины» было обусловлено двумя ведущими факторами. Один из них связан с проблемами оптимизации объёма совокупного прибавочного продукта, другой – с чисто внешней, оборонительно-наступательной функцией государства.

Оборонительно-наступательная функция в истории Российского государства обуславливалась, по крайней мере, тремя основными факторами. Первый из них Л. В. Милов связывает с необходимостью выполнения стратегической задачи воссоединения древнерусских земель, разделённых в результате монголо-татарского нашествия и агрессии католической Польши и языческой Литвы.

Второй важнейший фактор усиления оборонительно-наступательной функции государства связан с природно-климатическими условиями развития страны. Обилие малоплодородных почв, необычайно короткий сезон земледельческих работ имели своим следствием постоянный «недобор» урожая, что в конечном счёте обусловило низкий объём совокупного прибавочного продукта в стране. Однако общество в целом приспособилось к суровым условиям хозяйствования сохранением и развитием распорядков сельской жизни. Крестьянская община на протяжении тысячи лет российской государственности являлась важнейшим средством защиты крестьянского хозяйства от множества житейских неожиданностей, ведущих крестьянскую семью к разорению, нищете и смерти. Община не только спасала миллионы крестьян от пауперизации, она в значительной мере содействовала сохранению генофонда русского населения (впрочем, не только русского, но и других народов России). В свою очередь, крайне экстенсивный характер земледельческого производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная историческая территория Русского государства не выдерживала увеличения плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками, необходимость оттока населения на новые территории в поисках более пригодных пашенных угодий, более благоприятных для земледелия климатических условий и т. д. Объективные условия плотной заселённости Европы открывали для русских лишь путь на Юг, Юго-Восток и Восток Евразийского континента.

Колонизация Юга и Юго-Востока имела благотворное влияние на развитие Центра России. Более чем за столетний период (1744—1857 гг.) население Промышленного Центра и Черноземного Центра увеличилось в 1,6 раза, а население Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья, Пермского края, Южного Урала и Оренбурга – в 4 раза.

Даже при неизменном размере душевого высева зерна масса товарного хлеба, идущего с Юга и Юго-Востока в Центр, постоянно возрастала. В то же время земледельческая роль Нечерноземья менялась. Исследование Л. В. Миловым механизма функционирования единого аграрного рынка Европейской России в 1890-х гг. показало, что колебания урожайности в каждой из нечерноземных губерний практически не влияли на динамику местных цен этих губерний. Тем более, эти колебания никак не воздействовали на динамику цен в черноземных, южных и юго-восточных губерниях страны.

Это означало, что ростом кадров рабочих людей промышленное развитие Центра России в немаловажной степени было обязано расширению её территории, расселению русских людей на новых землях и включению в единую экономику других народов Российского государства. Однако то и другое доставалось далеко не просто, так как на протяжении XIX – начала XX в. валовой душевой сбор постоянно балансировал на грани допустимого минимума, иногда опускаясь и ниже его.

Колонизация иногда протекала в условиях жестокого противостояния Русского государства целому ряду государственных образований и социумов, находящихся на доклассовой стадии развития. Тем не менее, в итоге это привело к длительному существованию и выживанию многих народов в рамках единой российской государственности, ибо практически все они принадлежали к единому типу социумов с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта.

Наконец, третий фактор, стимулировавший оборонительно-наступательную функцию Российского государства, связан с необходимостью выхода России к незамерзающим портам. Запасы мягкой рухляди к концу XVII в. были в значительной мере исчерпаны. Сверхпротяжённые сухопутные пути могли поддерживать лишь вялый режим торговли. Столь объёмные товары экспорта как поташ, смола, древесина были весьма нетранспортабельны при гужевых средствах доставки. Такая земледельческая держава, как Россия, рано или поздно должна была развернуть крупномасштабную внешнюю торговлю продуктами земледелия, т.е. крупногабаритным товаром, требующим оптовой торговли. А транспортировать такие товары можно было только водными путями. До Петра Великого был лишь один крупный порт – Архангельск. В ходе Северной войны Россия получила доступ к Балтийскому морю, Петербург и Рига стали крупными торговыми центрами к концу царствования Петра I. Освоение южных степных районов, присоединение Крыма к России открыло возможность строительства черноморского торгового флота. С начала XIX в. через Одессу и Таганрог резко увеличивается вывоз за рубеж российского зерна. Однако чтобы окончательно открыть для себя черноморские проливы, для России оказалось необходимым продвинуть свои южные рубежи как можно ближе к рубежам Османской Порты. Борьба за развитие экономики России была борьбой за Чёрное море, и не только с Турцией, но и с ведущими державами Европы.

Та же логика лежит в конечном счёте в основе дальнейшего роста территории Российской империи. Успешное выполнение оборонительно-наступательной функции российской государственной машины во многом было обусловлено своеобразием общества, создавшего одну из лучших армий мира. В основе её был солдат-рекрут, воин-профессионал. Но этот же воин, будучи рекрутирован из общинного мира, как наиболее «пассионарный» и беспокойный элемент, постоянно грозивший нарушением баланса сил в общине, в то же время обладал повышенным чувством долга, был отчаянно смел и милосерден.

Больше того, в основе многовекового формирования Российского государства был важнейший фактор – русский народ и прежде всего великорусское крестьянство, особый менталитет которого формировался под мощным воздействием природно-климатического фактора.

Российские крестьяне-земледельцы веками оставались своего рода заложниками природы, ибо она в первую очередь создала для крестьянина трагическую ситуацию, когда он не мог ни существенно расширить посев, ни выбрать альтернативу и интенсифицировать обработку земли, вложив в неё и труд, и капитал. Даже при условии тяжкого, надрывного труда в весенне-летний период он чаще всего не мог создать почти никаких гарантий хорошего урожая. Многовековой опыт российского земледелия, по крайней мере, с конца XV по начало XX в., убедительно показал практическое отсутствие сколько-нибудь существенной корреляции между степенью трудовых усилий крестьянина и мерой получаемого им урожая. Точнее говоря, мера трудовых усилий подтверждалась не всегда соответствующей прибавкой урожая.

Всё это способствовало формированию в огромной массе русского крестьянства целого комплекса далеко не однозначных психологических поведенческих стереотипов. Разумеется, скоротечность рабочего сезона земледельческих работ, требующая тяжёлой и быстрой почти круглосуточной физической работы, за многие столетия сформировала русское крестьянство как народ, обладающий не только трудолюбием, но и быстротой в работе, способностью к наивысшему напряжению физических и моральных сил.

Вместе с тем господство в большей части территории Российского государства крайне неблагоприятных климатических условий, нередко сводящих на нет результаты тяжёлого крестьянского труда, закономерно порождало в сознании русского крестьянина идею всемогущества в его крестьянской жизни Господа Бога. Труд – трудом, но главное зависит от Бога: «Бог не родит, и земля не даёт», «Бог народит, так и счастьем наделит», «Не земля хлеб родит, а небо», «Бог – что захочет, человек – что сможет» и т. д.

Крестьянское восприятие природы – это, прежде всего постоянное, бдительное и сторожкое отслеживание изменений в ней, фиксация работы разнообразных природных индикаторов, сигнализирующих селянину о грядущих изменениях, о грозящей или возможной опасности благополучию крестьянской семьи, дома, хозяйства.

Глубочайшее и доскональное знание разнообразных природных явлений в целом позволяло крестьянину приспосабливаться к тем или иным годовым, сезонным и сиюминутным изменениям климата. Многочисленные приметы поведения представителей животного и растительного мира давали крестьянину сигналы о характере смены сезона и его самого (зимы, весны, лета, осени), о степени благоприятности условий и времени посева и сбора урожая, прогнозах на сам урожай (в том числе и отдельных культур). Они же «предсказывали» болезни и смерть близких и т. п. Были многочисленные приметы, основанные на оценке внешнего вида солнца, различных фаз луны, имевшие существенное значение в определении погоды, сроков сева полевых и огородных культур, посадки в землю луковиц, корневищ и т. п.

Важно заметить, что природные условия лесных просторов Нечерноземья и лесостепной зоны часто способствовали формированию множества локальных и микролокальных пространств со своеобразием протекания общих погодных процессов. А это приводило к разнице урожайности отдельных полей и даже их участков. Пестрота почвенных условий усиливала этот эффект.

Не исключено, что в крестьянском восприятии это как бы дробило всеобщую единую силу Высшего Божества на отдельные компоненты. Вполне возможно, что именно эти явления постоянно пробуждали в крестьянском менталитете чисто языческие эмоции локального поклонения объектам природы (типа архаичных обрядов моления у овина, у воды, у дерева и т. д.). Это способствовало причудливому переплетению многих праздничных ритуалов господствовавшего в России христианского вероучения с языческими суевериями и обрядами. Думается, что масштабы столь своеобразного «синкретизма» для христианской страны, какой была Россия, поистине огромны. И суть дела заключена не в необыкновенной

силе традиции язычества, к которому изначально приспособилась христианская православная церковь, а в живучести языческого менталитета русского крестьянина, в том, что силу этой живучести питали могучие природно-климатические факторы.

Глубокая включённость сельского жителя в орбиту многообразного окружения природы не только порождала неиссякаемую веру в её сверхъестественные силы и локальные проявления, не только способствовала глубокому функциональному познанию «механизма», своего рода сигнальной системы природы, диктовавшей логику поведения, но иногда и вызывала активность самого крестьянина в контактах с её светлыми и тёмными силами.

Поэтому христианизация на Руси в конечном счёте своеобразно отразилась на менталитете крестьянина: в нём поселился не только христианин, но и сохранился язычник.

Это своеобразие менталитета российского крестьянства имело немалые политические следствия. Одно из них: максимальная контактность с народами иных конфессий, что имело громадное значение в практике масштабных миграционных подвижек и мирном проникновении на новые территории русского населения. Вместе с тем вполне очевидным становится и то, что без государственного статуса, без поддержки государственной машины российская православная церковь не имела бы серьёзных перспектив всепоглощающего влияния на крестьянство. В конечном счёте именно христианское православие отвечало духовным потребностям социума с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта, социума с общинной структурой консолидации в противостоянии Природе и внешним врагам.

Необычайно сложные природно-климатические условия основной исторической территории России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственных работах, сопряжённых с высоким нервно-психологическим стрессом («страда»), имели своим следствием не только поразительные трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского менталитета и характера, но и противоположные им качества.

Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определённого скепсиса к собственным усилиям, хотя они затрагивали лишь часть населения. Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обречённости и становилась от этого отнюдь не проворной и трудолюбивой, проявляя безразличное отношение к собственной судьбе, иждивенчество, пьянство, лень.

Такова была реальность. Таковы были косвенные следствия влияния на ментальность природно-климатического фактора. Приходится только удивляться, что категория равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто опустившихся была незначительной. Что в целом русский народ даже в годину жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние «совершенного изнеможения», находил в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю.

У подавляющей массы населения всегда были живучи традиции коллективизма и взаимопомощи, хотя у любого крестьянина одновременно никогда не исчезала и естественная тяга к личному, частному способу ведения хозяйства. В крестьянской психологии в России во все времена идея принадлежности земли Богу, а значит, обществу в целом, была ведущей, основной идеей. Она, пожалуй, составляет одну из главных особенностей характера русского народа. Другой важнейшей чертой его было доброта и простодушие. В основе того и другого лежала, вероятно, общинная психология, которая помимо прямой непосредственной роли, сыграла не менее важную и опосредованную роль в судьбах русского народа, определив, например, целый ряд существеннейших проявлений национального характера и культуры.

С момента концентрации крестьянских хозяйств и дворов в многодворные деревни и сёла резко возрастает процесс демократизации общины, который усиливается и обретает

силу в качестве защитной функции с ростом крепостнической эксплуатации. Систематическая практика «помочей» и даже барщинные работы целыми бригадами на господских полях также стимулировали чувство коллективизма.

Взятые в целом, все эти факторы механизма выживания определённым образом повлияли на характер российской государственности и прежде всего породили всемогущество и жестокость власти российских самодержцев и сопутствующий ей суровый режим внутреннего подавления сословий. Самым тяжёлым было положение крестьянства, единственным оружием которого была локальная сплочённость общинного мира. Когда же эта сплочённость стала разрушаться рынком, судьба общества в целом была поставлена под сомнение.

Невзирая на то, что в пореформенное время уже развился процесс быстрого вовлечения крестьянства в русло капиталистических отношений, создавалась сложная и противоречивая ситуация. Антикрестьянский, по сути, характер реформ Александра II тем не менее способствовал удерживанию огромных масс населения на земле, что для общества с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта было весьма важным моментом. Но одновременно с этим был сохранён и архаический защитный механизм общинного землепользования. И в то же время законы капитализма сильнее всего стимулировали расслоение общинного крестьянства. На всей территории исторического ядра Российского государства процесс расслоения привёл к созданию огромного слоя безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств, составлявших от 50 до 65 процентов всех крестьянских дворов. Социальная напряжённость, порождённая такой асимметрией расслоения, дополнялась общей проблемой нарастания парадоксального малоземелья при одновременном существовании дворянских латифундий.

Эти два фактора, по сути, лежали в основе грандиозного аграрного кризиса, который в конечном счёте привел страну к трём русским революциям.

Все эти моменты, связанные с особыми чертами российской государственности, были исторически неизбежны и породили своеобразие и самого российского общества.

В силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда удовлетворяло не одно и то же количество «естественных потребностей индивида». В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения гораздо хуже. Следовательно, меньшим оказывался и тот избыток труда, который мог идти на потребности «других» индивидов, по сравнению с массой труда, идущего на потребности «самого себя». Иначе говоря, всё сводится к тому, что объём совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах. Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта «всеобщих условий производства».²¹

Такова краткая характеристика парадоксов российской истории. Вывод здесь однозначен. Природно-климатический фактор имеет огромное влияние на формирование типа общества. Причём разницу в проявлении роли этого фактора можно выявить не только в случае наиболее ярких природных различий (например, условия Средиземноморья и севера Европы), но и не при таких явных (центр и восток Европы).

Конечно, огромную роль в истории России играли и другие факторы: географические (наличие на юге и востоке Восточной Европы, на Урале и в Сибири) плодородных неосвоенных земель, социально-экономические и геополитические (преобладание среди соседних

²¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 554—572, также 411, 417.

народов к югу и востоку от Русского государства немногочисленных кочевников, охотников и рыболовов с невысокой плотностью. Это позволяло расширять территорию государства и вовлекать в сельскохозяйственный оборот земли зачастую с более плодородными почвами и в более мягких климатических условиях.

Эти факторы не только создавали возможность для выживания в трудных природно-климатических условиях, но и явились условиями перехода России к более интенсивным методам экономического развития после выхода к Чёрному морю и вовлечению в оборот плодородных земель Черноземья, Поволжья, низовьев Дона и Новороссии.

Отсюда столь заметные конкретно-исторические различия между Западом и Востоком Европы в типе собственности, в форме хозяйствования, в типе государственности, общества и в характере развития рыночных отношений.

Указанные факторы привели к преобладанию вплоть до XX в. натурального земледельческого хозяйства крестьянского типа. Элементы такого сохранились и в советский период в наличии у значительной части населения собственного подсобного хозяйства (это временно поддерживалось государством – после смерти Сталина, раздача «6 соток» в поздние советские времена); в стремлении промышленных предприятий создавать полный производственный цикл и, особенно, в наличии у многих из них собственной социальной сферы (столовых, магазинов, детсадов и школ, больниц, санаториев, жилых домов, подсобных хозяйств и т.п.).

Уровень развития ремесла, промышленности, торговли, сферы обслуживания, науки и культуры любой страны зависит от уровня развития сельского хозяйства. Чем выше производительность труда в аграрном секторе экономики, чем меньше в нём занято работников, чем большее число людей может прокормить земледелец, тем выше уровень всех сфер жизни общества.

Преобладание натурального хозяйства вело также к крайне медленному развитию общественного разделения труда и необходимости сохранения даже самых слабых крестьянских дворов (на что не раз указывает Л. В. Милов).

Единый внутренний рынок в России начал складываться к концу XVII в. Уже тогда усилилась специализация ремесла, появились специализированные центры ремесленного производства и, соответственно, массовой торговли ремесленными и сельскохозяйственными товарами. Эти явления связаны в основном с деятельностью лично свободных крестьян и городских ремесленников и купцов.

Эти экономические процессы были прерваны финансово-экономической политикой Петра I. Но после его смерти его же соратники резко поменяли экономический курс государства из-за его невыгодности для дворянства. В результате в XVIII в. в России произошёл резкий скачок в развитии товарно-денежных отношений, выросло товарное (именно товарное) производство, к концу столетия окончательно сформировался внутренний рынок, Россия стала частью европейского рынка, объём внешней торговли вырос в десятки раз, а оборот внутренней торговли хлебом в начале XIX в. в разы превышал объём его экспорта. Более того, в конце XVIII в. появились мануфактуры с наёмным трудом, в первой половине XIX в. они уже лидировали в отраслях лёгкой и перерабатывающей промышленности. Предпринимательством, в том числе и мануфактурным, занимались не только лично свободные государственные крестьяне, ремесленники и купцы, но и крепостные крестьяне.

Промышленный переворот в России во второй четверти XIX в. начался и успешно шёл как раз в отраслях с высокой долей наёмных работников. К середине века на реках Европейской России перевозка грузов и пассажиров по рекам осуществлялась на пароходах. Более того, даже в сельском хозяйстве до отмены крепостного права ежегодно было занято около 800 тысяч наёмных работников. В силу этих, а также некоторых других причин, крепостное

право исчезло бы в России к началу XX в. и на гораздо лучших основаниях, по «английскому» типу, т.е. было бы просто изжито экономически.

Крайне ограниченное разделение труда, очень медленное развитие товарного ремесленного производства вынуждали государство создавать собственное производство сначала ремесленное, а потом и фабрично-заводское. Прав Л. В. Милов видя в этом корни традиционного вмешательства российского государства в сферу организации экономики. Это не только царские производства в виде Пушечного двора, Оружейной и Царицыной палат, Хамовной, Кадашевской, Тверско-Константиновой слобод и т. д. Это и создание казённых производств XVIII – XIX вв. Это, наконец, необычайно мощная, широкая и активная (по сравнению с европейской в целом) деятельность государства по созданию так называемых общих условий производства.

Л. В. Милов также убедительно показывает, что мануфактуры XVII в. не были порождены закономерностями экономического развития России, а возникали спорадически, на средства иностранцев, которыми в основном и создавались. Эти мануфактуры работали исключительно на государство и не были втянуты в рыночные отношения, не имели прочной базы в виде платёжеспособного спроса со стороны населения и часть разорялись.

Он абсолютно прав, когда пишет о мифологизации в литературе доменного и молотового комплекса Тульских и Каширских заводов, основанных в 1637 г. (это можно сказать и о других мануфактурах XVII в.): «Разумеется, основание крупного металлургического производства в разоренной стране имело громаднейшее значение и положило начало целой серии таких заводов. Но вместе с тем такая акция государства, призванная укрепить прежде всего обороноспособность страны, стала расцениваться как индикатор общего уровня развития экономики. В ряде работ давалась заведомо завышенная оценка общего состояния страны».²²

Это указание на то, что казённое производство, подчинённое обеспечению вооружённых сил страны, как и других специфических потребностей государства, не может служить индикатором общего развития страны, имеет значение не только для XVII в. Его можно и нужно распространить на всю историю России, особенно XIX – XX веков.²³ Недооценка значения казённого производства, его влияния на общее развитие страны, отождествление его уровня с уровнем развития всей страны приводит неизбежно к ошибочным выводам и оценкам. Сказанное справедливо и для советского периода российской истории.

Ещё одной фундаментальной особенностью социально-экономического развития России является широкое применение принудительного труда в разных формах – от использования в промышленности крепостных, приписных и посессионных крестьян до использования труда заключённых, военнотружеников, школьников и студентов в различных сферах экономики.

Недостаточность свободной рабочей силы, не находящей применения в земледелии, приводила к поиску иных способов обеспечения работниками промышленных предприятий. На основе анализа трудовых ресурсов на предприятиях XVII – XVIII вв. Л. В. Милов отмечает, «что применение промышленного труда на крепостной основе, совершающееся путем резкого возрастания эксплуатации крестьян при непременном сохранении за ними земледельческого производства, открыло возможности для своеобразного варианта развития процесса общественного разделения труда. Сочетание земледельческого и промышленного труда стало не временным переходным состоянием для крестьянина, как это обычно бывало в Европе, а утвердилось более чем на вековой период и сохранилось даже после

²² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 493.

²³ См. подробнее: Болоцких В. Н., Деев В. Г., Кузнецов В. А. История России. В 2-х томах. Б.м., 2016.

1861 г. Такова важнейшая специфика развития социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта».²⁴

Добавлю только, что и после 1917 г. также это сочетание во многом сохранилось.

Но широкое и длительное применение принудительного труда имеет многочисленные последствия для экономики. Отмечу основные. Во-первых, использование бесплатного и малооплачиваемого труда не побуждает владельцев предприятий к переходу к более высоким технологиям и интенсивным методам производства.

Во-вторых, принудительный труд сам является тормозом технического прогресса, так как работники не заинтересованы в результатах своего труда, в повышении квалификации и т.п., более сложные машины легче вывести из строя, интенсивные технологии требуют больших затрат умственных усилий работника, а, следовательно, большей его заинтересованности.

Наличие же высокой оплаты квалифицированных работников в XVII – XIX вв. как раз и свидетельствует об отсутствии резерва рабочей силы, конкуренции на рынке труда, слабости общественного разделения труда.²⁵

В таком случае у владельцев промышленных производств, включая государство, нет возможности получать накопления в сфере собственно производства, они получают прибыль или в сфере торговли, или работают в убыток, покрывая его из других источников (что характерно для государства). Но в случае с государством это приводит к росту налогов, неэквивалентному перераспределению ресурсов страны из одних отраслей в другие, к снижению уровня жизни основной массы населения.

Низкая оплата труда в промышленности в сочетании с низким уровнем производительности труда, невысокими доходами земледельцев, с необходимостью сохранять даже еле живые крестьянские хозяйства приводили к широкому распространению уравнительности и патернализма со стороны государства и феодалов, о чём пишет Л. В. Милов.²⁶

Особенности российских государства и общества являются следствием природно-климатических, геополитических, географических факторов. Поэтому неправы И. Н. Ионов и ему подобные, которые сводят всё многообразие причин и факторов, действующих в историческом процессе, к принятию и распространению православия.

И. Н. Ионов полагает, что для выявления особенностей модернизации России в XIX – XX вв. необходимо учитывать более глубокие традиции, обусловившие своеобразие её исторического пути.

Он пишет: «Речь идет прежде всего о роли города, отличной по сравнению с Европой. Ликвидация городского веча, происшедшая еще при татарах, сделала невозможным зарождение элементов гражданского общества, где „различные формы общественной жизни выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость“, важной предпосылки модернизации... Нам трудно согласиться с недооценкой одним из виднейших продолжателей дела М. Вебера – С. Н. Ейзенштадтом – роли православия в том, что веберовской традицией считается структурообразующим началом культуры цивилизаций, – в ощущении напряженности противоречия между сущим и должным, осознаваемого как противоречие земного порядка и порядка небесного, а также в способе преодоления этого противоречия. Надо помнить, что одним из центральных понятий государственной идеологии Византии было понятие таксиса, сущность которого заключалась именно в сближении, соединении земного и небесного порядков. Соединяющей силой была власть императора, нормальное функционирование которой во многом

²⁴ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 526.

²⁵ Там же. С. 518—519 и др.

²⁶ Там же. С. 420—434.

снимало напряжение. Предпосылкой слабости последнего была идея о богоизбранности византийцев. Конечно, речь не идет о полном уподоблении Византии „неосевым“ цивилизациям. Но православие делало шаг именно в этом направлении. И тут, и там важную роль в соединении земного и небесного порядков играла власть императора. Тем самым в православии власть „настоящего“, православного царя становилась гарантом возможности будущего „спасения“ после смерти. Наличие в России народного мессианизма, поддержка теории „Москва – третий Рим“, подразумевающей стирание противоположности между „градом земным“ и „градом божьим“, говорят о том, что схожие настроения были и в русском православии. Если в европейском городе в протестантской среде верования толкали человека к активной экономической деятельности (ее успех помогал ему убедиться в своей „избранности“, в грядущем индивидуальном „спасении“), то в русском городе перед человеком открывался не экономический, а политический путь „спасения“, причем с сильной коллективной составляющей. Отсюда, с одной стороны, экономическая активность европейцев и создание ими гражданского общества как механизма утверждения своих интересов, как инструмента борьбы за экономический успех, а с другой – поиски „настоящего“ царя в России, на которые ушло много духовных сил народа в XVII и XVIII вв., прямо противостоявших тенденции развития к гражданскому обществу. Постепенная секуляризация самостоятельности воззрений привела к тому, что на Западе, особенно в США, высшим критерием оценки деятельности человека, если угодно, воплощением смысла жизни, стали оценка рынка, богатство, в то время как у нас сближение сущего и должного было реализовано в форме коллективного движения к лучшему будущему, в идеях социальной справедливости и прогресса, в служении которым многие находили смысл жизни и добровольно ею жертвовали. Силой, соединяющей сущее и должное, настоящее и будущее в СССР по-прежнему оставалась харизматическая власть, государство. Гражданское общество, начавшее складываться в стране в начале XX в., снова было принесено ему в жертву. Выбор веры и власти, составляющий сущность гражданского общества и обеспечивающий на Западе перманентный прогресс, у нас стал явлением единовременным, отменившим возможность нового выбора на долгие десятилетия».

И. Н. Ионов оговаривается, что «картина явления здесь значительно упрощена, так как нам было важно сделать акцент не на сходстве, а на различиях Запада и России» и что «деятельность по «спасению», конечно, не сводилась в России к ее политическому и коллективистскому вариантам. История скорее демонстрирует нарастание коллективистских тенденций по мере развития процесса секуляризации». Главным он считает, то что «происходит определяемая механизмами культуры девиация (лат. *devatio* – отклонение) мотиваций человеческой деятельности, ее целеполагания. Практическая деятельность как ведущая подменяется поиском «справедливой власти». И если в первом случае революция отражает интересы развития практической деятельности, способствует становлению рынка, демократии и правового государства, основ современной цивилизации, то во втором – она самоценна и служит самооправданием как акт справедливости, вне зависимости от неудач в практической деятельности.²⁷

Причины громадных различий русских и европейских городов хорошо показаны у Л. В. Милова и говорить об этом нет необходимости. Подчеркнем только, что подход И. Н. Ионова к этому вопросу абсолютно неверен. Неверен хотя бы потому, что эти отличительные особенности европейских городов, мотивации и поведении людей и т. п. существовали на Западе задолго до появления протестантизма и именно они породили его, а не наоборот.

²⁷ Ионов И. Н. Россия и современная цивилизация // Отечественная история. 1992. №4. С. 63—64.

И «самозванство» в России связано не с расколом,²⁸ а со Смутой, изменившей представления русского народа о государстве и государе. Тогда народ спас государство, а не сильный и «справедливый» царь. Не было распространения среди народной массы и теории «Москвы – третьего Рима» и идеи богоизбранности русского народа. Это всё представления некоторой части общества – церковников и интеллигенции (и то меньшинства среди них).

В дни исторических испытаний и повседневного выживания русские люди надеялись прежде всего на себя, а не царя. Народная пословица гласит: «На Бога надейся, а сам не плошай». А о царе и речи нет: «До Бога высоко, а до царя далеко».

На сильную самодержавную власть рассчитывали, на неё надеялись не крестьяне, не ремесленники и купцы, а представители верхушки общества, самого государственного аппарата.

Так что исторические особенности России, порождённые многочисленными объективными факторами, определили особенности православия, обусловили специфические формы бытования христианства на Руси, а не наоборот.

Уравнительность и патернализм, надежды на «доброго барина» характерны и для советского общества. Также как и своеобразие общественного разделения труда, низкая производительность труда, сочетание земледельческого и промышленного труда, отрицательное влияние на экономику и общество в целом государственного сектора производства в казённом варианте, что и будет показано в дальнейшем.

²⁸ Там же. С. 72.

Глава 2. Натурализация экономики России в годы мировой и гражданской войн и политика «военного коммунизма»

Особенности российской экономики наглядно проявились во время Первой мировой войны, революции 1917 г. и Гражданской войны. Несбалансированность экономики, её перекошенность в сторону военных и тяжёлых отраслей помешали подготовиться к большой войне, привели к огромным лишениям основной массы населения и краху Российской империи. Потом всё это повторится во многом в конце XX в. и поэтому следует остановиться на характере экономических процессов в период краха Российской империи и зарождении империи советской.

Уже до первой мировой войны доля казённой промышленности в экономике России была очень большой, велико было и регулирующее воздействие российского государства на неё. Во время войны степень вмешательства государства в экономическую жизнь страны ещё более возросла и по наследству эта политика перешла к Временному правительству и Советскому государству. В результате в годы войны кардинально была перестроена вся структура экономики и упрочились тенденции её развития по казённому пути, государственные методы управления промышленностью были доведены до крайних пределов. Поэтому разговор об экономическом развитии России в советский период логично начать с политики «военного коммунизма» и её предпосылок, создававшихся при царском и Временном правительствах.

Характерными особенностями экономической политики Российского государства в 1914—1920 гг. (общих для всех правительств того времени) была ставка на эмиссию (печатание) бумажных денег, борьба с дороговизной с помощью твёрдых цен, хлебной монополии, ограничения свободы торговли. А также растущее стремление государства в условиях усиливающейся хозяйственной разрухи взять в свои руки заготовку и распределение основных видов продовольствия и товаров широкого потребления, а затем и их производство. Все эти явления тесно связаны между собой, а причины, по которым самые разные по социальной и политической природе правительства, прибегали к этим мерам, их последствия и результаты весьма актуальны и для России рубежа XX – XXI веков.

В нормальных условиях в странах с экономикой, основанной на свободе торговли и денежной системе, в ходе взаимодействия хозяйствующих субъектов, обмена между производителями и потребителями устанавливается то или иное соотношение между спросом и предложением экономических благ. В числе потребителей выступает также государство с его огромной покупательной силой. Это хозяйственное равновесие может мало нарушаться в случаях быстрого расширения потребностей государства в продуктах и услугах (война), если *эти чрезвычайные расходы покрываются налогами или займами*. В таком случае капиталисты, обладающие денежными средствами и могущие предъявить обычный спрос на продукты и услуги, передают государству свои денежные средства, а вместе с ними и право на часть хозяйственных благ. И вслед за этим они отказываются от возведения новых построек, ремонта старых, от пополнения инвентаря, запасов и т. д. В то же время обладатели трудовых доходов, отдавая денежные средства государству, сокращают своё потребление. Получая через повышенные налоги и дополнительные займы от плательщиков налогов и капиталистов дополнительные денежные ресурсы, государство получает в своё распоряжение те хозяйственные блага, которые раньше предназначались в фонды накопления, воспроизводства и потребления.

В таком случае меняются только субъекты спроса, а общая сумма спроса на изделия и услуги меняется мало. Различие в том, что государство, как потребитель, в случае войны, предъявляет спрос на другие продукты и услуги, чем обычно предъявляли частные хозяйствующие лица и население, но общая сумма спроса остается прежней. Под влиянием изменения *направления* спроса, повышаются цены продуктов, которые теперь усиленно потребляются государством (металлы, кожа, мясо, хлеб и т.д.), но в то же время неизбежно понижаются цены на продукты, которых государство не потребляет, а частные лица, лишившись обычных ресурсов, не могут купить. Повышение цен на одни категории продуктов органически связано с падением цен на другие их категории, и общий уровень цен существенно не меняется. Если изменение направления спроса является длительным, оно ведёт к перераспределению производства в соответствии потребностям государства. Это перераспределение ускоряется запретом частных выпусков ценных бумаг без разрешения государства, как это было сделано в первую мировую войну на Западе, и тогда цены даже на предметы военного спроса могут получить тенденцию к понижению.

Совершенно по-другому развиваются события в случае, когда государство выступает на рынке с денежными средствами, полученными не путём налогов и займов, а с помощью выпуска ничем не обеспеченных бумажных денег. В этом случае остаётся в прежнем объёме спрос обладателей денежных средств, но к нему сверх того добавляется совершенно новый спрос потребителя-государства, вооружённого «штемпелеванной бумагой». В таком случае новый спрос *не замещает обычный спрос хозяйствующих лиц, а присоединяется* к нему. Не устранив предварительно на рынке своих конкурентов, государство вступает с ними в соревнование, взвинчивая цены, и, обладая огромными средствами и не останавливаясь перед высокими ценами, оно побеждает своих конкурентов.

Если не вмешиваться в процессы рыночного ценообразования, то рост цен на товары будет продолжаться до тех пор, пока излишние вначале деньги не станут необходимыми для обращения товаров. Тогда вновь наступит равновесие спроса и предложения, но в ином масштабе цен (например, все цены увеличатся в 10 раз). Выброшенные в экономический оборот в результате эмиссии денежные знаки являются в первое время как денежный капитал, который стремится превратиться в товарный капитал: с ростом товарных цен этот фиктивный денежный капитал превращается в обычное орудие обращения товаров, чем и завершается процесс удорожания. Но это происходит только в том случае, если эмиссия денег прекращается и никто не вмешивается в процесс ценообразования. На деле всегда всё происходит по-другому.

Обилие фиктивных денежных капиталов вызвало, вначале, предпринимательскую горячку и иллюзию обогащения у крестьян, увеличивших спрос на ряд товаров. Число вновь открывшихся акционерных обществ за первую половину 1914 г. значительно (336 против 274) превысило число обществ, возникших за тот же период 1913 г., с его промышленным подъёмом. В первые месяцы войны крестьяне покупали изделия из дорогих тканей (шёлка, например), драгоценные украшения и т. д.

Но одновременно начался и рост цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, которые стремились к установлению равновесия с денежной массой. Торговцы-посредники и производители действительно стали придерживать товары и продукцию для получения более высоких доходов в результате удорожания. Так «Российские Ведомости» сообщали в октябре 1916 г., что в Нижнем Новгороде обнаружены большие запасы в тысячи и даже десятки тысяч пудов шерсти, кож и сукон, в которых остро нуждаются предприятия, работающие на оборону. Найдено также несколько тысяч пудов мыла, давно исчезнувшего с рынка.

В 1916 г. хлеб исчез с рынка уже в первый месяц после сбора урожая, запасы хлеба у производителей достигали 5 млн пудов²⁹.

К июню 1915 г. цены на ржаную муку поднялись на 51%, гречневую крупу – на 100, хлопок – на 57, шерсть – на 35, в то время как цены на золото – только на 20%³⁰.

Цены росли и в дальнейшем, так как продолжалось печатание бумажных денег, к которому добавились ограничения на вывоз продуктов и установление сначала местных, а потом общероссийских твёрдых или указных цен. О последствиях этих мероприятий для экономики страны речь ещё будет, а сейчас о некоторых объективных мотивах поведения крестьянства, которое сокращало предложение хлеба на рынок. Государство и горожане-потребители, включая экономистов-учёных, видели причины роста цен и укрывательства хлеба в жадности, эгоизме, непонимании государственных интересов крестьянами. Также, впрочем, оценивали поведение торговцев и переработчиков сельскохозяйственного сырья, производителей товаров широкого потребления, но нагляднее всего взять в качестве примера хлеб как главный продовольственный продукт России и крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения.

Следует помнить, что нормы потребления хлеба, мяса, молока и других продуктов самими крестьянами были очень небольшими, крестьяне часто голодали. Уровень товарности крестьянских хозяйств был крайне низким. Так за 1909—1913 гг. общее количество товарного хлеба четырёх важнейших его видов в производящих губерниях составляло около 1 180 532 тысячи пудов. Из этой массы на долю крестьянского товарного хлеба приходилось 926 191,3 тысячи пудов или 78,4%. В то же время крестьянское производство хлеба в этих губерниях составляло 87,9% общего производства. Тем не менее, крестьянские хозяйства играли главную роль в снабжении рынка хлебов. Но роль эта при низкой товарности крестьянских хозяйств обуславливалась громадным преобладанием числа крестьянских хозяйств над числом частновладельческих. Так по сельскохозяйственной переписи 1916 г. число крестьянских хозяйств по 47 губерниям Европейской России составляло 15 492 202 или 99,3%, а частновладельческих – 110 031 или 0,7%, а по всей России (без Туркестана) соответственно 18 671 238 или 99,4% и 120 062 или 0,6%³¹.

Уже в первые годы войны количество товарного хлеба сокращается по приблизительным подсчётам Н. Кондратьева (таб. 1, в тысячах пудов).

Таблица 1

– 1909—1913 гг. – 1914 г. – 1915 г.

Продовольственные

хлеба – 591 993,9 – 451 751 – 330 104

Крупяные – 16 208,2 – 16 935 – 10 873

Картофель – 48 873 – 33 355 – 27 028

Кормовые – 377 399,6 – 267 522 – 159 710

Все хлеба и

картофель (включая

второстепенные) — 1 100 331,2 – 802 789 – 542 099

Обращает внимание сокращение товарности сельского хозяйства в урожайном 1915 г. Понижение товарности хлебов было вызвано целым рядом социально-экономических факторов. Прежде всего, это падение объёмов производства в крупных частновладельческих хозяйствах, вызванное нехваткой наёмной рабочей силы из-за мобилизаций, сельхозинвен-

²⁹ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925. С. 37—38, 41.

³⁰ Там же. С. 46.

³¹ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 99.

таря из-за сокращения его импорта и производства. Важные изменения произошли и внутри крестьянских хозяйств, из которых имеют исключительное значение два.

В первую очередь это изменение в соотношении денежного расходного и доходного бюджета крестьянских хозяйств, вызванное особенностями движения товарных цен. Опираясь на бюджеты довоенного времени и принимая во внимание коэффициенты изменения цен на предметы, сбываемые и закупаемые крестьянским хозяйством, Н. Кондратьев определил направление изменений в соотношении денежной части расходного и доходного бюджета крестьян. В 1915 г. в хлебопроизводящей Симбирской губернии доходы крестьян в расчёте на 1 хозяйство превышали расходы на 179,01 рубля или на 375%, а в 1916 г. – на 489,29 рубля или на 1024%. В потребляющей Московской губернии доход превышал расход в 1915 г. на 73,95 рубля или на 174%, а в 1916 г. на 386,96 рубля или на 912%.

Таким образом, денежные доходы крестьян в годы войны выросли в большей степени, чем расходы (как и вообще денежный бюджет) как в производящих, так и в потребляющих губерниях. Естественно, что в таком случае стимулы у хлебопроизводящего крестьянского хозяйства к усилению сбыта основного своего продукта – хлеба в целях сбалансирования бюджета ослабли. Уменьшилась и товарность крестьянского хлеба. Часть обычно продаваемого хлеба пошла на повышение собственных норм потребления в хозяйстве.

Второе важное изменение в крестьянских хозяйствах и состоит именно в том, что в связи с указанным относительным повышением денежной доходности крестьянского хозяйства производящих районов, а также в связи с сокращением потребления алкоголя повысились нормы потребления крестьянского населения этих районов. Нормы потребления основного продукта массового потребления – ржи (в пудах на душу) составили по 5 производящим губерниям в 1911—1913 гг. – 13,0, в 1914 г. – 13,6, в 1915 г. – 14,9, а по 7 потребляющим соответственно: 12,8, 11,8, и 12,3.

Таким образом, резко сократились стимулы, побуждавшие крестьянское хозяйство к выбрасыванию хлеба на рынок. Рост денежных доходов позволял повысить нормы потребления; ввиду низкого уровня прежнего потребления крестьяне охотно шли на такое повышение. Норма потребления хлебопроизводящей массы крестьянских хозяйств повышается и понижается товарность хлебов.

Здесь-то и выступают во всей силе две характерные особенности хлебного российского рынка: его зависимость от высокотоварного частновладельческого хозяйства и его большая сила инерции. Резкое сокращение продукции частновладельческих хозяйств и значительная сила инерции в понижении товарности массового крестьянского хозяйства должны были неизбежно вызвать кризис снабжения хлебных рынков и уменьшить размер хлеботоргового оборота. Что и произошло. Здесь и лежит одна из коренных причин продовольственных затруднений и неудач в деле регулирования снабжения,³² несмотря на хорошие урожаи и резкое сокращение экспорта хлеба.

Если к этому добавить бесконечный рост цен на товары, потребляемые крестьянами, затянувшуюся войну, мобилизации крестьян и их лошадей, обстановку неуверенности в будущем, страх и т.д., то не стоит удивляться, что крестьяне придерживали хлеб как гарантию выживания своего и своих детей. На их месте так поступил бы каждый нормальный человек (и поступал – торговец, ремесленник, мелкий предприниматель). А что касается учёта государственных интересов, то не крестьяне начали войну, не в их интересах, хотя и за их счёт, она велась. Так зачем им было жертвовать собой ради английских колоний и турецких проливов?

Эмиссия бумажных денег не имела бы таких разрушительных и дезорганизующих последствий для финансово-денежной системы и всей экономики, если бы царское прави-

³² Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 130—133.

тельство ограничилось разовым выпуском. Но эмиссия стала постоянной чертой финансовой политики сначала царского, а затем Временного и Советского правительств.

Уже в первые 10—11 месяцев войны эмиссия увеличила более чем в 2 раза количество бумажных денег и более чем в 1,5 раза общее количество денег в обращении. Обесценение денег (инфляция) вело к обесценению нормальных источников государственных доходов от налогов, займов, поступлений от государственных предприятий и железнодорожных тарифов. Потеря ценности денег на 25% к середине 1915 г. должна была привести к потере в основном бюджете в 800—900 млн рублей, в 1916 г. обесценение рубля достигло в середине года 50% и потери должны были составить половину основного бюджета, т.е. около 1700 млн рублей на довоенное золото. Доходы от эмиссии составили в 1915—1916 гг. около 2 млрд рублей в год и таким образом эмиссия, бывшая *добавочным* доходом, стала лишь *заменой* основных доходов.

После Февральской революции эмиссия стала основным источником доходов государства, её темпы ускорились. К январю 1917 г. ценность рубля снизилась в 3 раза, а к июню 1917 г. в 5 раз. А так как доходные ставки государственного хозяйства оставались неизменными, то реальная величина основных доходов государства снизилась к началу третьего года войны в 2 раза, а к концу его – в 5 раз. За третий год войны (с середины 1916 до середины 1917 г.) государство потеряло более 3 млрд рублей основных доходов из-за инфляции, а доход от эмиссии был меньше 2,5 млрд рублей. Убыточность эмиссии особенно возросла к середине 1917 г., когда среднемесячный доход от эмиссии составлял 160 млн золотом, в то время как отмиравшая теперь основная система доходов давала прежде 350 млн в месяц. Иными словами, эмиссия теперь *не только не была дополнением* к обычным доходам государства, но *не могла быть даже простой заменой* этих доходов. Если бы к середине 1917 г. война закончилась, то эмиссия вместе с остатками нормальных доходов могла бы покрыть менее половины нормальных государственных расходов.

Постепенно происходило отмирание государственного кредита, масса населения начала осознавать, хотя и удивительно медленно, факт обесценения денег и перестала отдавать деньги государству в виде займов. Начавшаяся революция усилила эти процессы отмирания государственного кредита, провал летом 1917 г. «займа свободы» был подготовлен всей предшествовавшей историей. Крах государственного кредита был неизбежен и без революции в силу обесценения денег.

Разложение эмиссионной системы продолжилось и после Октября, при постоянном росте выпуска бумажных денег доходы от эмиссии сокращались всё быстрее. Среднемесячный доход от эмиссии составлял в довоенных рублях в 1918 г. 40 млн, в 1919 г. – 17 млн, в 1920 г. – 9 млн.³³

А теперь проследим взаимосвязь эмиссии, роста цен и политики государства в области заготовок.

В условиях выбрасывания на рынок необеспеченных бумажных денег цены растут и должны расти, стремясь к достижению равновесия между денежной и товарной массами. В принципе, неважна сама по себе цена вещи, важно соотношение между разными группами товаров (полезных вещей), с одной стороны, и, с другой – товарной массы в целом с денежной массой, находящейся в обороте. В идеале, объём денежной массы должен расти по мере роста производства товаров и уменьшаться в случае сокращения производства. Если же денежная масса растёт быстрее, чем производство товаров, то это должно вести к росту цен, точнее к изменению масштаба цен. Владельцы предприятий вынуждены (именно вынуждены) повышать цены на свою продукцию для того, чтобы покрыть рост издержек производства и пополнить оборотные средства, привести их в соответствие с новым масштабом цен.

³³ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 134—137, 175.

Точно так же вынужден поступать торговец. Если он будет продавать свой товар по старым ценам без учёта роста инфляции (обесценения денег), то он будет торговать себе в убыток и быстро разорится. Другими словами, торговец, чтобы получить прибыль вынужден вместо обычной цены (нормальной нормы прибыли) устанавливать «эмиссионную» и тем самым резко повышать цены. Вслед за торговлей к этому приходят производители.

До первой мировой войны ни одна страна в мире не имела опыта жизни в условиях длительной эмиссии бумажных денег и вызванной ей инфляции, поэтому, естественно, причины роста дороговизны видели в чём угодно (местных условиях, транспорте, росте спроса со стороны государства), но не в лишних деньгах. Главной причиной считали спекуляцию торговцев – цену повышал торговец, он и виновник дороговизны. Так считали даже учёные экономисты, неспособные найти объективные причины удорожания товаров при обилии их запасов не только на потребительских рынках, но и на местах производства. Но если главные виновники дороговизны – торговцы, владельцы запасов и т.д., то с их «вождедениями» и надо бороться в первую очередь. И профессор-финансист П. Гензель в 1916 г. требовал: «Учредить контроль за скупщиками, требовать от частных банков списки скупщиков, мукомолов и спекулянтов, прибегающих к их услугам, ... обязать скупщиков отчётностью о произведённых скупках, наметить схему реквизиций в случае неудачи нормальных закупок, вести постоянную регистрацию произведённого и поступающего в оборот зерна..., учредить общественный контроль за деятельностью уполномоченных по закупке хлеба».³⁴

Д. Кузовков замечает по этому поводу: «Нетрудно понять, почему о спекуляции и спекулянтах слишком много говорили также и марксисты; отыскивая революционные лозунги, понятные миллионным массам, они, естественно, не всегда заботились о политике соответствия этих лозунгов правильной теоретической оценке явлений; в их головах революционные инстинкты перевешивали их верность марксистскому методу экономического анализа. Но совершенно невозможно понять, как почтенные идеологи капиталистической системы превратили торговый капитал в козла отпущения, повинный за все последствия ими самими санкционированной эмиссионной политики».³⁵

В какой-то мере влияние эмиссии на рост цен маскировалось поведением крестьян, которые до 1917 г. копили бумажные деньги в ожидании нормальных цен и накопили 3,9 млрд рублей. В результате, темп обесценения рубля в 1914—1916 гг. систематически отставал от темпа роста денежной массы. К 1 января 1916 г. в обороте было 5,6 млрд рублей бумажных денег с реальной ценностью почти в 4 млрд рублей, иными словами, несмотря на сокращение территории государства и упадок народного хозяйства, *реальная стоимость* денежной массы выросла более, чем в 1,5 раза, номинально же она увеличилась в 2,5 раза.³⁶

Но к концу 1916 г. крестьяне вначале перестают принимать бумажные деньги в качестве платы за хлеб, а в 1917 г. начинают избавляться от своих бумажных сокровищ. Также ведут себя теперь и горожане, происходит настоящая денежно-финансовая катастрофа, выразившаяся в резком падении курса рубля и в опережающем темпе роста цен по сравнению с темпом эмиссии, хотя он также ускоряется в 1917 г. (Таб. 2).

Таблица 2

1917 г. –Номинальный рост –Темпы повышения цен

– –денежной массы–за месяц в %%

– –за месяц в %%

Март –5,9 –6,4

Апрель –4,8 –13,

³⁴ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 67—68.

³⁵ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 73—74.

³⁶ Там же. С. 61.

Май –5,3 –18,4
Июнь –7,2 –28,0
Июль –6,9 –13,7
Август –10,8 –3,8
Сентябрь –10,8 –8,8
Октябрь –15,5 –37,8
Ноябрь –11,6 –51,4
Декабрь –9,2 –34,4

В августе и сентябре сказалось действие сезонного фактора – реализация хлеба нового урожая.³⁷

Обесценение рубля и рост цен особенно сильно отражаются на тех, кто имеет только денежные доходы, особенно фиксированные, а также страдает государственный бюджет, который начинает терять свои нормальные доходы, а потом и доходы от эмиссии.

У государства имеются два пути выхода из этой ситуации. Первый – встать на путь систематического повышения ставок и тарифов государственного хозяйства, а соответственно допущения свободного повышения товарных цен, вызываемого инфляцией. Это несёт государству ряд чрезвычайно невыгодных последствий, так как это отрицательно сказывается на других доходных источниках государства – на государственном кредите и самих эмиссионных доходах. А эти источники доходов в военное время по ряду социально-экономических причин почти всегда превращались из *дополнительных* (к налогам) в *основные* источники. В частности, в эпоху первой мировой войны государственный кредит и эмиссии во всех воюющих странах, в том числе и в России, давали государству значительно больше того, что оно получало от нормальной системы доходов (налогов, доходов от государственных предприятий и пр.). И доставались доходы от кредита и эмиссии значительно легче и проще, чем от налогов, товаров и услуг государственного хозяйства, которое неминуемо приходило в упадок в условиях войны и, главное, промышленность в основном начинала производить оружие и снаряжение для армии, которые доходов государству не приносят. А гражданские отрасли сокращают объём производства и тем самым уменьшаются нормальные доходы государства и для компенсации потерь приходится увеличивать государственный кредит и печатать деньги. Но при длительном сохранении такого соотношения отраслей промышленности в пользу военных расстройство экономики неизбежно, даже если печатать деньги очень осторожно – всё равно рано или поздно обозначится нехватка товаров широкого потребления (из-за сокращения производства) и начнётся рост цен из-за дефицита этих товаров.

Но при государственном кредите кредиторы должны не бояться изменения стоимости денежной единицы, что при переходе государства к подвижным ставкам налогов, тарифов и цен как раз и происходит – денежная единица обесценивается и это подрывает основу государственного кредита (кто же даст в долг, если должник возвращает меньше, чем взял на процент инфляции).

К тому же население, осознав факт обесценения денег, перестаёт их накапливать, что ведёт к росту спроса и росту цен вслед за ним и снижает эффективность эмиссий.

Кроме того, встав на путь повышения ставок налогов, тарифов и т.п., государству пришлось бы признать за рабочими, служащими и чиновниками право на повышение зарплаты, а за крестьянами – право на повышение цен на хлеб и сырьё, которые в массе закупаются для армии. А это ведёт к падению покупательной способности государственных доходов из любых источников.

³⁷ Там же. С. 157.

Другой путь, который был у государства – это путь борьбы с ростом рыночных цен и отказа признать происходящее обесценение денег.

Правда, государство не в состоянии преодолеть стихийные законы рынка и остановить рост рыночных цен, но оно может всё же очень долго поддерживать *иллюзию* устойчивости бумажных денег. Кроме того, путём установления твёрдых, точнее указных, цен при проведении заготовок для государственных нужд оно может обеспечить *себе* возможность получать необходимые для него товары по прежним относительно низким ценам.

Одновременно с этим система твёрдых цен, охватывающая главнейшие предметы потребления, даёт возможность приобретать товары по тем же относительно низким ценам не только самому государству, но и рабочим и служащим государства, избавляя его от необходимости повышения зарплаты. Таким образом, твёрдые цены являются попыткой поддержать покупательную силу государственных доходов, идущих как на непосредственные закупки на рынке, так и на зарплату государственному аппарату.

Поддерживая иллюзию устойчивости денег и объявляя «спекуляцией» повышение рыночных цен, государство получает тем самым право отказывать в повышении зарплаты своим рабочим и чиновникам. Вступая в борьбу с повышением цен, успех которой всегда имеет ограниченный характер, государство объявляет «спекуляцией» также попытки повышения зарплаты со стороны рабочих, которым приходится покупать не только по «твёрдым» ценам.

Следуя этим путём, государство может на довольно продолжительное время (как показал опыт, на год и более) удерживать на прежнем уровне покупательную способность своих доходов от кредита, эмиссии и обычных источников.

Но встав на путь твёрдых цен и тарифов, государство делает их обязательными и для себя самого. Настаивая на сохранении прежних рыночных цен, объявляя спекуляцией их повышение, государство тем самым отказывается от повышения цен и тарифов на продукцию и услуги государственных предприятий, а также от повышения ставок налогов. Другими словами, борьба с увеличением расходов путем установления твёрдых цен предполагает отказ государства от повышения его номинальных доходов.

Сочетание эмиссии и твёрдых цен создает своеобразный эмиссионный налог на все слои населения, получателей денежных доходов. Рабочие, чиновники, рантье теряют в пользу государства, а рабочие частных предприятий и в пользу хозяев, разницу между реальной и номинальной величиной своих доходов. Промышленная буржуазия и крестьянство продавали государству произведённую продукцию по твёрдым ценам, которые были ниже рыночных, и тем самым получалось, что часть этой продукции государство получало бесплатно (на величину разницы между твёрдой и рыночной ценой). Таким образом, зарождался в скрытом виде натуральный налог, как когда-то крепостные крестьяне платили оброк продуктами своего труда. Но, не получая эквивалентной платы за свою продукцию, производители теперь имели меньше возможностей возобновлять и расширять своё производство из-за уменьшения оборотных средств. Особенно это касается промышленности, так как в сельском хозяйстве России в силу низкой агрикультуры и слабого применения сельхозтехники легче было поддерживать уровень производства. Но зато крестьяне теряли стимулы к продаже сельскохозяйственной продукции и предпочитали оставлять её себе, а в случае насильственного изъятия – сокращать производство.

Промышленность, производящая товары широкого потребления, со временем начинает уменьшать производство по причине износа оборудования и трудностей с закупкой сырья и материалов из-за нехватки оборотных средств (вот где сказывается неэквивалентный обмен с государством).

Оборонная промышленность держится на плаву лучше, так как получает компенсацию от государства за счёт других отраслей и сельского хозяйства. Но до поры до времени, так

как спад в других отраслях, на транспорте и в сельском хозяйстве неизбежно сказывается в конечном итоге и на ней.

Известные пределы имеет сохранение в неизменном виде зарплаты. При сокращении её реальной величины наполовину наступает физический предел – невозможность поддерживать жизнедеятельность человека в буквальном смысле слова и государство вынуждено или повышать зарплату, или брать на себя снабжение рабочих и чиновников минимумом продуктов по твёрдым ценам.

В результате получается, что при любом типе эмиссионной политики народное хозяйство страны рано или поздно деградирует и приходит в упадок. И этот упадок тем сильнее, чем дольше продолжается печатание «штемпелёванной» бумаги и борьба за поддержание твёрдых цен.

Почему же в таком случае во время первой мировой войны все государства, в том числе и Россия, без колебаний пошли по пути эмиссионного хозяйства в сочетании с указными ценами?

Выбор типа эмиссионного хозяйства зависит в каждом конкретном случае как от соотношения классовых сил – ибо каждый из типов оказывает разное воздействие на интересы разных классов, так и от структуры государственного хозяйства и его бюджетных источников. Чем большее значение для военного бюджета имеет государственный кредит, тем более упорно государство будет отстаивать иллюзию устойчивости денег, тем скорее оно прибегнет к использованию твёрдых или указных цен. Эта тенденция также будет тем сильнее, чем больше общая сумма возможных дополнительных доходов (от кредита и эмиссии) превышает налоговые поступления, так как в таком случае потери от обесценения налоговых ставок будут компенсироваться системой твёрдых цен, поддерживающих покупательную способность огромных доходов от займов и эмиссии.³⁸

Переход от идеи создания условий хорошего сбыта производителю к идее обеспечения потребителя как главной цели был совершен ещё царским правительством. Временное правительство целиком приняло эту идею и для её осуществления пошло на радикальные меры государственного регулирования заготовок и распределения продовольствия. Большевики довели эти меры до крайних пределов, пока не отказались от них в 1921 г. Методы, к которым прибегали правительства России в 1914—1920 гг. для обеспечения сначала только армии, а затем и городов продовольствием хорошо известны. Сначала – это ограничения вывоза хлеба из хлебопроизводящих губерний, скота – из скотоводческих и т. д. с целью обеспечения государственных заготовок. Губернаторы, получавшие задания от правительства, запрещали вывоз за пределы губернии хлеба и скота до выполнения плана заготовок. Так как денежные средства на закупку у них были ограниченными, то губернаторы начали вводить местные твёрдые цены. Эти меры вносили большую дезорганизацию в экономику России, так как запреты и местные твёрдые цены вводились по административным границам, а не хозяйственным. В результате, например, центры мукомольной промышленности оказались отрезанными от хлебопроизводящих местностей, что плохо отразилось на тех и других и неизбежно вело к перебоям в снабжении мукой и росту цен.

Затем стали устанавливаться твёрдые общероссийские цены на сахар, хлеб, другие виды продовольствия, что ставило их производителей в крайне невыгодное положение, т.к. необходимые им промышленные товары хозяйственного и бытового назначения они были вынуждены приобретать по растущим рыночным ценам. Естественно, последовало сопротивление крестьян, переработчиков сельскохозяйственного сырья и торговцев их продукцией заготовкам по твёрдым ценам и их срыв. Уже царскому правительству пришлось прибегнуть к составлению развёрсток плана заготовок по твёрдым ценам на государственные

³⁸ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 118—120, 127—128.

нужды по губерниям (знаменитая «продразвёрстка»), угрозам реквизиций по ещё более низким ценам в случае невыполнения плана развёрстки, даже посылке вооружённых отрядов для обеспечения заготовок по твёрдым ценам.

Временное правительство продолжило эту политику и уже в марте ввело хлебную монополию – частные торговцы могли торговать только по указанным ценам и только с разрешения государственных органов власти. Неудача государственного регулирования заготовок продовольствия старой властью видели в том, что это регулирование проводилось именно старой властью, не имевшей авторитета в народе. Но теперь, полагали во Временном правительстве, когда новое демократическое государство опирается на поддержку народных масс, оно является очень сильным и способным сделать то, что не удалось царскому правительству.

Но продовольственная политика Временного правительства, несмотря на усиление элементов принуждения и насилия, окончилась полным крахом. В 1917 г. крестьяне отказывались отдавать хлеб за бумажные деньги даже по самым высоким вольным ценам, а уж тем более по низким твёрдым.

Советская власть подтвердила незыблемость хлебной монополии и прочих мер продовольственной политики: твёрдых цен, угроз реквизиций и самих реквизиций, запретов частных перевозок, снабжения населения предметами первой необходимости. Но качественно и по своему относительному значению эти меры глубоко изменились. Насколько при Временном правительстве был преувеличен момент свободы и уговоров, настолько при Советской власти получает небывалые размеры момент принуждения.

Принуждение, особенно с лета 1918 г., пронизывает всю продовольственную политику большевиков, ему придаётся характер одной из форм классовой и политической борьбы, происходит *идеологизация и политизация* продовольственного дела: создаются комбеды, крестьяне, удерживающие хлеб, объявляются кулаками, врагами Советской власти, сторонниками возрождения капитализма, продотряды создаются по классовому принципу – из рабочих и солдат и т. д. Начинается крупномасштабная вооружённая борьба за хлеб, которая, по существу, продлилась до весны 1921 г. и кончилась поражением большевиков.

Нельзя сказать, что государство не видело неэквивалентности и несправедливости обмена продовольствия по твёрдым ценам на промышленные товары по рыночным. Уже царское правительство начинает вводить твёрдые цены на некоторые промышленные товары, идущие в деревню. Эту политику подхватило и расширило Временное правительство. А Советское правительство довело её до чрезвычайных размеров. Промышленность была национализирована и теперь вся её продукция должна была сосредоточиться в руках Советского государства и им перераспределяться в соответствии с его интересами. Большевики даже пытались полностью запретить любые формы торговли и наладить прямой продукто-обмен города с деревней в масштабе всей страны, но ничего у них не получилось.

Каковы же были результаты политики государственного регулирования, которая началась с регулирования хлебозаготовок и дошла до масштабов всей экономики и каковы были последствия этой политики?

В конце 1916 г. царское правительство проводит принудительную развёрстку заготовок основных видов хлеба. Само желание государства взять за установленную низкую цену из различных районов определённые количества хлеба, а остальное оставить в свободном распоряжении его владельцев, создавало ярко выраженную двойственность на рынке. Эта двойственность порождала у владельцев хлеба стремление (и давало возможность) обойти постановление правительства.³⁹

³⁹ См. подробнее: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции; Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы.

Кроме того, развёрстка была проведена без достаточного соответствия с количеством товарного хлеба в губерниях. Н. Кондратьев проводит следующее сопоставление нарядов на 4 основных хлеба с их избытками-недостатками в 1916 г. по 30 губерниям, на которые распространялась развёрстка. (Таб. 3).

Таблица 3

Наряд –Размер наряда –Избыток (+) или

– –недостаток (-)

– –млн пудов

В 9 губерниях с

нарядом до 10 млн пуд. –337,0– -76,9

В 6 губерниях

с нарядом 10—25 млн пуд. —114,9– +14,4

В 9 губерниях

с нарядом 25—40 млн пуд. –273,6– +184,6

В 6 губерниях

с нарядом 40 и

более млн пуд. –321,0– +317,2

Таким образом, наибольшая развёрстка легла на губернии, которые и без того испытывали нехватку хлебов.⁴⁰

Фактический ход заготовок по отдельным кампаниям характеризуется данными Н. Кондратьева. (Таб. 4).

Таблица 4

Кампания –Продовольствие –Все хлеба

– –млн–%– млн– %

– –пудов –к заданию –пудов –к заданию

1914/15 г. –106,1 –168,3 –302,7 –131,0

1915/16 г. –233,0 –253,2 –500,0 –145,8

1916/17 г. –303,9 –53,7 –540,8 –48,2

1917/18 г. –106,3 –38,7 –152,6 –21,2

1918/19 г. –68,5 –40,5 –107,9 –41,4

Повышение процента заготовок в пятую кампанию объясняется резким снижением задания при абсолютном падении заготовок.⁴¹

С точки зрения Н. Кондратьева, чтобы создать работающую государственную продовольственную сеть, наладить связь центра и местных организаций, преодолеть частнохозяйственный интерес для проведения в жизнь развёрстки, «нужно было иметь высококультурную массу с сильно развитым сознанием государственности. Нужно было глубокое чувство доверия к государственной власти и готовности на самопожертвование со стороны масс. Но этих предпосылок не было». И оставалось последнее средство – реквизиции. Н. Кондратьев имел в виду царскую власть, но и после Февраля и Октября, когда массы получили «свободу самоорганизации» и само государство стало вроде как «пролетарским» признаков готовности масс к «самопожертвованию» больше не стало.

На самом деле политика государственного регулирования и непосредственного государственного изъятия продуктов промышленности и сельского хозяйства и её распределения потерпела крах, по крайней мере, по двум основным причинам.

Во-первых, сам же Н. Кондратьев указывал, что план снабжения требовал точного знания ресурсов страны и потребностей. Таких данных не было даже до войны, а во время

⁴⁰ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 203.

⁴¹ Там же. С. 228.

войны всё постоянно менялось. Кроме того, план снабжения требовал, чтобы в действительном, а не теоретическом распоряжении центральной власти имелись заранее *определённые* ресурсы заготовленного хлеба. А таких ресурсов не было. Также было необходимо строго и точно учесть в каждом индивидуальном хозяйстве хлебные запасы и затем заставить владельца зерна отдать его избытки. Однако произвести учёт в 18,8 млн крестьянских хозяйств при явной цели отчуждения избытков хлеба и крайне недоброжелательном отношении населения было делом невозможным.⁴² Точно также это касается частной, особенно мелкой и ремесленной промышленности.

Во-вторых, судя по дороговизне, недостатку продовольствия, существованию чёрных рынков во всех воевавших европейских странах, то же самое происходило и в странах с более культурным населением, привыкшим к самоорганизации. Готовности к самопожертвованию во имя государственных интересов большинство населения всех стран явно не демонстрировало.

Развал рыночной торговли продовольствием и фактический провал государственных заготовок привёл к недостатку хлеба в основных промышленных центрах уже осенью 1915 г. и дальше положение только ухудшалось, несмотря на все усилия сменявших друг друга правительств. Государство оказалось неспособным обеспечить даже минимальное снабжение по карточкам, нормы выдачи по которым всё время уменьшались. В таких условиях население переходило к самоснабжению. Несмотря на ограничения свободной торговли основными видами продовольствия и затем товарами широкого потребления, а потом и полный запрет торговли большевиками, большая часть продовольствия в городе и промышленных товаров в деревне оказывалась у населения через вольный или «чёрный» рынок. Даже в разгар политики «военного коммунизма» 50—60% продовольствия население городов получало через чёрный рынок. Малорезультативными оказались муниципальные и кооперативные формы снабжения горожан. Более того, они внесли свой вклад в разложение денежной системы и нормальной торговли. Дело в том, что органы городского самоуправления и кооперативы при заготовке продовольствия пользовались некоторыми льготами со стороны государства: закупка по твёрдым ценам, перевозка по железной дороге вне очереди или по сниженным тарифам и т. д. Продавали они через свои торговые точки и через частные лавки, но в любом случае по ценам ниже рыночных и ниже себестоимости и, естественно, терпели убытки, которые компенсировались из государственного бюджета, увеличивая тем самым государственные расходы и являясь дополнительным стимулом к увеличению эмиссии.

Самоснабжение населения приняло форму мешочничества. Крестьяне везли в город хлеб небольшими партиями, горожане отправлялись в деревню с вещами. Это явление хорошо описано в статье А. Ю. Давыдова «Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918—1922 годы» (Вопросы истории. 1994, №3). Довольно быстро мешочничество приняло организованную форму — появились специализированные группы заготовителей, перевозчиков, сопровождавшихся вооружённой охраной, способной противостоять милицейским и чекистским заградотрядам, а также группы реализаторов.⁴³ Отметим только, что на чёрном рынке бумажные деньги не имели хождения, зато охотно принимались царские золотые монеты, а большей частью шёл натуральный обмен — одежда, обувь, ткани, керосин, спички, мыло и прочий ширпотреб на продовольствие. На рубеже 1980—1990-х гг. это получило название бартера.

⁴² Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 274, 210.

⁴³ Давыдов А. Ю. Проигранная война «красных»: нелегальная экономика 1917—1920 гг. // Вопросы истории. 2013, №11. С. 14—37.

Бартерный или натуральный обмен возобладал в 1917—1921 гг. в масштабе всего народного хозяйства России, что проявилось в его натурализации.

До войны государство содержало аппарат за счёт налогов на производителей материальных ценностей, идущих на потребление, и услуг (продовольствие, ткани, другой ширпотреб, перевозки и т.д.). Примерно половину государственных потребностей покрывала деревня в виде продуктов сельского хозяйства. Механика сводилась к тому, что сельское население значительную часть своих продуктов продавало для того, чтобы вырученными деньгами заплатить налоги. Государство, получив от деревни эти деньги, становилось распорядителем сельскохозяйственных продуктов, выброшенных на рынок, или непосредственно, закупаая для армии, или косвенно, передавая часть налоговых доходов чиновникам, служащим и рабочим государственных предприятий в виде зарплаты.

Вся стоимость сельскохозяйственных продуктов, выносившихся деревней на рынок, составляла около 2 млрд рублей (из 6 млрд валового продукта), что составляло не только налоговый фонд деревни, но и фонд оплаты промышленных товаров в порядке рыночного, эквивалентного обмена. Так как налоги с деревни составляли почти 1 млрд рублей в год, то, получается, что приблизительно *половину* всей своей товарной продукции деревня передавала государству перед войной фактически *безвозмездно*. Понятно, что если бы деревня вдруг перестала платить налоги и стала отдавать свою продукцию только в виде эквивалентного обмена на промышленные товары, то образовалась бы огромная нехватка продовольствия и начался бы голод среди городского населения и прежде всего среди государственных рабочих, служащих и чиновников. И именно это произошло в результате отмирания налоговой системы, когда из-за обесценения денег крестьянство перестало отдавать хлеб за бумажные деньги.

Продовольственный кризис разразился бы ещё в 1914 г., если бы государство не нашло выход в выпуске бумажных денег, которые крестьяне *прятали в кубышки*, не предъявляя их на рынок. И этот кризис начался, когда крестьяне перестали копить деньги.

Истощение денежных доходов лишало государство возможности платить крестьянам рыночную цену и заставляло его встать на путь углубления системы указных цен. В ответ на это деревня сократила предложение товара на рынок (меньше стала продавать хлеба), так как, имея большие запасы денег, крестьяне могли покупать городские товары, ничего не продавая. Сопrotивление деревни было столь сильным, что государство в декабре 1916 г. ввело хлебную принудительную развёрстку (т.е. «разверстало», составило план государственных заготовок по твёрдым или указным ценам по губерниям), механизм и методы которой были такими же, как в 1919—1920 гг.

Одновременно с этим всё шире стали применяться реквизиции, введённые ещё с августа 1915 г., однако сопротивление деревни опрокидывало все планы развёрстки, города и армия начинали голодать.

К концу 1916 г. в городах появляются хлебные карточки и государство оказывается вынужденным поставить вопрос о хлебной монополии. К концу февраля 1917 г. обострение хлебного кризиса даёт толчок восстанию в Петербурге, проходящему под лозунгами «хлеба и мира». В земледельческой России, после двух урожайных лет и при отсутствии экспорта хлеба, города и армия испытывали голод, которого не знала окружённая со всех сторон Германия, ввозившая до войны массу хлеба. Здесь наиболее ярко проявилось дезорганизующее влияние эмиссионной политики, перешедшей разумные пределы. Потому что мало было не хлеба вообще, а хлеба по *низким* ценам.

Временное правительство продолжило политику царского правительства в продовольственном деле: ввело хлебную монополию, повысило, но оставило твёрдые цены. Однако очень скоро разница между твёрдыми и рыночными ценами увеличилась и одновременное

ускорение темпа обесценения денег с 10—18% до 28% в месяц (июнь 1917 г.) ещё более ослабили желание деревни отдавать хлеб.

Война за хлеб стала выливаться в форму вооружённой борьбы. 20 августа 1917 г. министр продовольствия предписал принять исключительные меры для проведения хлебо-заготовок, вплоть до применения вооружённой силы.

Таким образом, все элементы продразвёрстки с её заградотрядами, конфискациями хлеба и подавлением хлебного легального рынка были подготовлены уже до Октябрьской революции. Советская власть, лишившаяся последних источников денежных доходов, неизбежно должна была довести до конца этот процесс, выявившийся ещё до неё: вместо отмершего денежного обложения деревни, она должна была построить *натуральное* обложение, сначала в форме твёрдых цен, а затем и в чистом виде.

Чем медленнее темп обращения денег у тех или иных групп населения, тем выше потери этих групп на эмиссионном налоге (т.е. от инфляции, обесценения денег), тем раньше эти группы проявляют тенденцию к отказу от услуг денежного механизма и переходу к непосредственному товарообмену. Поэтому, когда темп обесценения денег достиг 30—40—50 процентов в месяц, потери населения оказались настолько велики, что они превысили все невзгоды натурального обмена и привели к стихийному переходу к нему.

Быстрый процесс деградации денежной системы характеризовался тем, что реальная стоимость денежной массы, объём которой почти в два раза превышал довоенный (3,7 млрд рублей против 2 млрд на той же территории), снизилась к концу 1917 г. до 1,6 млрд, к середине 1918 г. до 500 млн, а к середине 1919 г. — до 200 млн рублей. Это падение ценности денег за 1 год в 7 раз свело к ничтожным размерам последний источник денежных доходов государства. Вместо 2,5 млрд рублей, полученных от эмиссии в 1917 г., государство в 1918 г. получило от неё 500 млн, а в 1919 г. — только 200 млн рублей.

Существовало и существует убеждение, что обнищание государства в 1918—1920 гг. было вызвано резким падением производительных сил. Но это падение не находилось ни в какой пропорции с падением государственных доходов, сократившихся к 1919 г. до 5% доходов довоенного времени и, примерно, до 2,5% доходов 1914—1915 гг. С другой стороны, развитие производительных сил в 1918 г. было не ниже, чем в 1922—1923 гг., однако в этот последний период бюджет государства, вернувшегося к налоговой системе, далеко превосходил бюджет 1918 г. Та же самая картина наблюдалась в Германии в конце 1923 г.

В конце 1917 — начале 1918 г. стихийная демобилизация армии на время сократила военные расходы, а широкое применение в 1918 г. системы чрезвычайных налогов на буржуазию дало новый источник доходов. Однако во второй половине 1918 г. действие этих факторов ослабло: начался рост Красной Армии, а с общей национализацией промышленности, домовладения и землевладения иссяк источник для чрезвычайного обложения.

В то же время начинается отрицательное действие на госбюджет национализированной промышленности. Из-за низких твёрдых цен на промышленную продукцию промышленность неизбежно должна была быть убыточной, но до национализации эта убыточность ослаблялась обходными маневрами хозяев предприятий, теперь она проявилась в полной мере. Включив промышленность в систему государственного хозяйства и подчинив её законам о твёрдых ценах, государство ещё более усилило дефицитность этого хозяйства. Расширение государственного хозяйства за счёт национализации промышленности в условиях существовавшей эмиссионной системы увеличило пропорционально этому расширению обратное действие этой системы на госбюджет, на который пала обязанность покрывать убытки промышленности.

Перед Советским государством встала сложная проблема: или со всей решительностью встать на путь восстановления финансово-денежной системы, или пытаться найти выход на пути разложения денежной системы до логического конца с тем, чтобы одним уда-

ром перейти к безденежному хозяйству. Государство пошло по второму пути по ряду причин. Первой из них была мощная инерция, которая свойственна всякому установившемуся методу финансирования государства, в данном случае инерция эмиссии и системы твёрдых цен.

Второй причиной была неизжитая ещё ненависть масс к налогу, как наиболее яркому выражению только что свергнутого буржуазно-помещичьего государства. Осознания экономической необходимости налога для функционирования государства и всего народного хозяйства тогда ещё не было. В то же время система твёрдых цен, которая *экономически* была более грубым орудием, чем налог, *политически* являлась всё же более приемлемой. Этому же способствовало то, что большевики (и рабочие) приложили немало сил до Октября, чтобы дискредитировать налог, поскольку он падал на трудящиеся массы, и ещё больше сил для того, чтобы укрепить систему твёрдых цен как метода борьбы с ненавистной спекуляцией и спекулянтами. При таких условиях отменить налоги и твёрдые цены означало дать оружие своему противнику в гражданской войне.

Ещё одной причиной являлась перегруженность правящей партии тяжёлыми задачами борьбы за сохранение своей власти в сложнейших условиях, когда приходилось использовать наличные методы добывания средств, какими бы грубыми они не были, и несмотря на то, что их длительное применение вело в безысходный тупик.

Одновременно с этим проявились и другие обстоятельства, чрезвычайно благоприятствовавшие отказу от восстановления денежно-финансовой системы. Пролетариат и его идеологи уже исторически выработали в себе отрицательное отношение к деньгам, в последние же годы перед революцией это отношение ещё более усилилось дезорганизацией денежного обращения, ложившейся тяжёлым бременем прежде всего на рабочих. Достаточно напомнить, например, что обесценение денег приводило к ограблению рабочих государством и предпринимателем из-за снижения реальной покупательной способности зарплаты при сохранении её номинального размера. Тем самым те беды, которые принесла пролетариату эмиссия, естественно, были отнесены на счёт денежной системы вообще, деньги стали символом спекуляции и ненависть к ней направлялась против всяких денежных отношений.

При таких настроениях рабочих легко получилось, что дезорганизация денежной системы, постепенное отмирание денег и появление натуральных отношений стали рассматриваться не как величайшие несчастья, свалившиеся на голову рабочих, а как положительные явления, которые знаменуют собой новые шаги вперёд в борьбе против капитализма: начавшаяся натурализация хозяйства, созданная разложением финансовой системы и денежного обращения, была принята и приветствовалась как переход к безденежно-плановому хозяйству.

Эти устремления были не причиной, а следствием разложения финансовой системы, но они превращаются затем в фактор дальнейшего углубления натурализации народного хозяйства. Советское государство далеко не сразу отказалось от денежной системы и не сразу перешло к сознательному усилению натуральных отношений. Ещё весной 1918 г. большевики собирались использовать деньги и торговлю для развития народного хозяйства в переходный период для создания материально-технических условий социалистического переустройства общества, что выразилось в ряде речей и статей Ленина, особенно в «Очередных задачах Советской власти».

Но резкое ухудшение политической и военной обстановки, углубление в связи с этим продовольственного кризиса, необходимость в создании в кратчайшие сроки мощной регулярной армии опрокинули надежды большевиков на более или менее мирное укрепление своей власти и восстановление народного хозяйства с помощью денег и торговли и подтолкнули их на продолжение и усиление прежней экономической политики, к укреплению

иллюзий о возможности немедленного перехода к плановому безрыночному и безденежному хозяйству.

Уже одного отказа от восстановления денежной и налоговой системы было достаточно, чтобы процесс натурализации государственного хозяйства, а отчасти и всего народного хозяйства, начавшийся ещё в 1916 г. и выявившейся к первой половине 1918 г., дошёл до логического конца. Однако советская власть теперь не оставалась пассивным наблюдателем этого процесса. Встав на путь непосредственного перехода к безденежным, безрыночным отношениям она активно форсировала этот переход, тем самым усиливая тенденции натурализации, стихийно возникавшие под влиянием распада денежно-финансовой системы. Причём, по мнению Д. Кузовкова, решающую роль играли не идеологические соображения, а чисто стихийные процессы, которые развивались из-за продолжающегося отказа от возврата к денежным налогам и тарифам. Но идеология, желание перейти сразу к социализму, сказались в том, что период натурализации экономики слишком затянулся и привёл к сильнейшему спаду производства во всех сферах. Только сопротивление основной массы населения, прежде всего крестьянства, вынудило большевиков повернуть на путь восстановления рынка и денежных отношений. Но и после этого большевики рассматривали восстановление рынка и денежного обращения всего лишь как временное отступление.

Технически восстановить налоговую систему было не так уж сложно, так как податный аппарат ещё сохранился. Но налоги на буржуазию давали мало, так как она была лишена уже доходов и имущества. Центральное значение имел вопрос о восстановлении обложения широких слоёв деревни, которое, несомненно, ликвидировало бы продовольственный кризис городов, что было ясно уже в то время. Но этому препятствовали в первую очередь политические соображения. Поэтому и Временное, и Советское правительства продолжали держаться за хлебную монополию и твёрдые цены, все более расширяя их круг, несмотря на сопротивление деревни.

Попытка введения натурального налога на хлеб по декрету ВЦИК от 30 октября 1918 г. окончилась неудачей из-за общего характера экономической политики и исчерпанности ресурсов деревни в результате продразвёрстки.

Резкое сокращение денежных доходов лишает государство возможности платить даже низкие твёрдые цены за хлеб и превращает хлебную монополию в почти незамаскированный натуральный налог, не имея возможности оплачивать труд государство прибегает к всеобщей трудовой повинности вплоть до милитаризации труда, приходится устанавливать и низкие твёрдые цены на промышленные товары и тем самым происходит частичная натурализация зарплат, на чём настаивали рабочие. Но продовольственные и промышленные товары, которых и так не хватало из-за сокращения производства, уходили на чёрный рынок с его высокими ценами и рабочие оказывались в ещё большем проигрыше.

Все отмеченные процессы взаимно влияют и усиливают друг друга и их совокупное действие ещё более суживает основу эмиссии и разлагает денежную систему, а тем самым ещё более усиливает натурализацию экономических отношений.

В условиях крайнего обесценения денег деревня, которая до войны половину товарной продукции отдавала бесплатно в виде налогов и половину в эквивалентный обмен на промышленные товары, теперь требовала полного товарного эквивалента на всю свою продукцию. А так как государство и город не обладали и не могли обладать таким эквивалентом, то создавалось непримиримое противоречие, которое не могло быть разрешено чисто рыночными методами.

Это противоречие призвана была разрешить хлебная монополия в сочетании с низкими твёрдыми ценами. Низкие твёрдые цены, дававшие государству возможность получить значительную часть продуктов без всякого эквивалента, были органической частью хлебной монополии, так как только при их наличии могло быть разрешено указанное противоречие.

Это основное назначение хлебной монополии и низких твёрдых цен и их взаимосвязь (брать у крестьян и у производителей ширпотреба часть продукции бесплатно) не было осознано тогда. Как не осознан и теперь многими истинный смысл всеобщей монополии государства на всё и вся и низких цен – ограбление сырьевых отраслей и сельского хозяйства, а также живущих на зарплату.

Но хлебная монополия в условиях гражданской войны и отсутствия готового аппарата была утопией и очень быстро выродилась в продразвёрстку (по декрету ВЦИК от 11 января 1919 г.).

Как менялось соотношение твёрдых и рыночных цен в копейках на пищевой паёк в 2700 калорий в губернских городах видно из таблицы 5.

Таблица 5

Цена пайка– 1919 –1920

– –январь– июль– январь– апрель

По твёрдым ценам— —5.02 –5.00 –10.23 –9.77

По «вольным» –24.58 –84.32 –344.35 –724.62

Таким образом, к апрелю 1920 г. государство платило деревне менее 2% стоимости её продуктов, 98% поступали в его распоряжение без всякого эквивалента (бесплатно).

Кроме продразвёрстки другими формами натурального налога (или натуральных доходов государства) были трудовая и гужевая повинности.⁴⁴

С трудовой повинностью происходит то же самое, что и с деньгами: введённая в силу вынужденных обстоятельств (никто работать бесплатно или за крайне низкую плату не хотел), она превратилась в глазах большевиков в одну из основ нового общественного строя. И вместо отказа от трудовой повинности в конце гражданской войны, её усиливали, доводя до всеобщей милитаризации труда.

Уже в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятого III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. было записано: «В целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность».⁴⁵

В выступлении на IX съезде РКП (б) 29 марта 1920 г. Ленин видел причины победы в Гражданской войне в дисциплине, организации и самопожертвовании, в которых большевики превзошли своих врагов. При переходе к мирному строительству Ленин ставил задачу сохранить и использовать это «величайшее историческое преимущество». Он говорил, что «важнейшие принципиальные соображения» заставляют нас «с решительностью направлять трудящиеся массы на путь использования армии для решения основных и очередных задач. Старый источник дисциплины, капитал, ослаблен, старый источник объединения – исчез. Мы должны создать дисциплину иную, иной источник дисциплины и объединения». Этот источник – принуждение. «Мы трудовую повинность и объединение трудящихся осуществляем, нисколько не боясь принуждения, ибо нигде революция не производилась без принуждения, и пролетариат имеет право осуществлять принуждение, чтобы во что бы то ни стало удержать своё».⁴⁶

К этому времени у большевиков накопился практический опыт осуществления трудовой повинности. 17 декабря 1919 г. в «Правде» были опубликованы тезисы Троцкого «О переходе к всеобщей трудовой повинности в связи с милиционной системой». Организационная основа предполагаемого типа социалистического хозяйства определяется в тезисах как целесообразное распределение живой силы с целью планомерной организации труда

⁴⁴ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. С. 149—180.

⁴⁵ Никольский С. А. Власть и земля. М., 1990. С. 92.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 248—249.

на основе её точного учёта и мобилизации. Эта система по Троцкому должна применяться: «До тех пор, пока всеобщая трудовая повинность не войдёт *в норму* (выделено мной – авт.), не закрепится привычкой и не приобретёт бесспорного и непреложного для всех характера (что будет достигнуто путём воспитания, социального и школьного, и найдёт полное выражение лишь у нового поколения), до тех пор, в течение значительного ещё периода, переход к режиму всеобщей трудовой повинности должен неизбежно поддерживаться мерами принудительного характера, т.е. в последнем счёте, вооруженной силой пролетарского государства».

Милитаризация труда неизбежна для общества, осуществляющего переход «к планомерно организованному общественному труду», – подчеркивалось в Тезисах ЦК РКП (б) «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд», написанных Троцким. В них также говорилось о необходимости бороться с мещански-интеллигентскими и тред-юнионистскими предрассудками в этом отношении, доказывалась «неизбежность и прогрессивность всё большего сближения между организацией труда и организацией обороны в социалистическом обществе».

В другой раз Троцкий указывал, что поскольку социалистическое «государство считает себя обязанным и ответственным по отношению к каждому гражданину, то и каждый гражданин в свою очередь должен отдавать весь свой труд, все свои силы государству». А поэтому «и трудовая повинность, и милитаризация труда могут иметь свой смысл только в том случае, если у нас есть аппарат правильного хозяйственного применения рабочей силы на основании единого, охватывающего всю страну и все отрасли производственной деятельности хозяйственного плана».⁴⁷

Уже осенью 1918 г. из-за призыва в армию, бегства городского населения в деревню, для расширения производства на оборонных заводах стало не хватать рабочих. Советские органы власти начали прибегать к переброскам рабочей силы на особо важные предприятия, к мобилизации рабочих дефицитных специальностей и отзыву их из армии. При Наркомате труда в конце 1918 г. был образован отдел распределения рабочей силы с органами на местах для осуществления трудовой повинности, введённой Кодексом законов о труде (декабрь 1918 г.) для всего трудоспособного населения с 16 до 50 лет.⁴⁸

⁴⁷ Никольский С. А. Власть и земля. С. 94—95.

⁴⁸ Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986. С. 93.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.